

Г.С. Зеленина

«И В КИБИТКАХ СНЕГАМИ...»

ВЕРНЫЕ ЖЕНЫ И ХРУПКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ЕВРЕЙСКОМ ДВИЖЕНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Еврейское движение, отказники, активизм, феминизм, сионизм, диссиденты, эмиграция, СССР.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена участию женщин в еврейском национальном движении: их ролям в семьях и в активизме и образам в нарративах движения. В источниках и в историографии движения неоднократно отмечалась заметная роль женщин в его рядах. Между тем, при значительной численной представленности и активности женщин в движении они практически никогда не играют самостоятельной роли; их борьба это, как правило, борьба за мужа или сына; несмотря на всю активность и самоотверженность роль женщин преимущественно служебная, и этот факт проговаривается в источниках и осмысливается как естественный. В риторике движения доминирует патрилинейность, активисты, возводят свое еврейское самосознание к отцу и стремятся учить язык отцов и вернуться на родину отцов. В результате, синхронно и диахронно новая еврейская нация конструируется как преимущественно мужское сообщество, женское же преданное присутствие лишь оттеняет и подкрепляет героический самообраз активистов, позволяя им конструировать новую желанную маскулинность хитроумных и бесстрашных борцов с режимом.

В позднесоветские десятилетия в столицах и других крупных городах действовало еврейское движение, или движение отказников (людей, подавших документы на выезд в Израиль, но получивших отказ), начавшееся как движение за эмиграцию и выросшее в еврейское национальное (или независимое) движение (ЕНД), ставившее своей целью как

Галина Светлаяровна Зеленина, к.и.н., доцент кафедры иудаики ИСАА МГУ, доцент кафедры библеистики и иудаики РГГУ, с.н.с. ШАГИ РАНХиГС, galinazelenina@gmail.com

DOI: 10.32608/2307-8383-2022-30-62-123

свободу эмиграции (или репатриации), так и возрождение еврейского самосознания, культуры и социальности в Советском Союзе. Деятели еврейского подполья 1950-х, осужденные и прошедшие годы в Гулаге за религиозные практики или самиздат, утверждали, что еврейское движение в Советском Союзе никогда не прерывалось, восходя к сионистским группам 1910–1920-х гг., но далее речь пойдет о еврейском движении в его классических границах: конец 1960-х — конец 1980-х гг.

В движении участвовали и мужчины, и женщины, чаще всего — супружеские пары и семьи с детьми. Поскольку единственной официально разрешенной причиной эмиграции из СССР было «воссоединение семей», тема семьи, конечно, настойчиво звучала в текстах того времени, создаваемых еврейскими активистами или направленными против них. В историографии же движения она почти не рассматривалась. Единственная работа, посвященная именно отказнической семье (не гендеру), не отличается информативностью или глубиной анализа. Отмечая, что «семья стала стержнем, вокруг которого вращалась еврейская эмиграция», автор отвлекается на общие темы (причины запрета выезда, выбор отъезжающими Израиля vs стран Запада и др.), из проблем семьи обсуждая лишь поколенческие разногласия, и подробно рассматривает редкий, если не уникальный случай — московскую семью, где оба родителя в детстве жили в Палестине. Делая истинно толстовское наблюдение о том, что каждая семья представляла собой особый случай, автор заключает:

подлинно сионистские семьи несмотря на давление со стороны советского общества и советских властей [...] спланивались, стремились поддерживать друг друга и объединялись с другими столь же преданными делу семьями отказников в дружное братство борьбы¹.

1 Friedgut. 2012: 253, 268-269.

В этом словесном портрете «сионистских семей» заслуживает внимания слово «братство», к которому мы еще вернемся.

Семьи отказников, испытывавшие воздействие разных сил — и центростремительных (сплочение в ситуации угрозы репрессий и социальной изоляции), и центробежных (раскол вследствие разного отношения к эмиграции у супругов) — и насильно отданные на милость родственников, родителей и бывших супругов, от которых требовалось согласие на выезд, представляют тему, достойную отдельного рассмотрения, и как социальный факт, и как факт дискурсивный, важный пункт в полемике о еврейской эмиграции: отказники сетовали на разъединение семей из-за запрета на выезд, а их оппоненты возлагали за это ответственность на самих желающих эмигрировать². Далее же речь пойдет о гендерном измерении еврейского активизма: о ролях, которые играли в этом сообществе женщины, о той роли, которую отводили им мужчины, создавая нарративы движения, и о влиянии, которое участие женщин оказывало на самоощущение их мужей и соратников, на укрепление их проблематичной маскулинности.

Гендерная ситуация в еврейском движении интересна своей парадоксальностью. Женщины участвовали в движении не менее массово, чем мужчины, и широко представлены в источниках: как правило, их не меньше (или несущественно меньше) на фотографиях, запечатлевших разные формы отказнической деятельности (демонстрации, уроки, слеты в лесу, пуримшпили и др.); среди авторов писем во власть с

-
- 2 Например, отказники, обращаясь к участникам Мадридской встречи, заявляли о «разбитых семьях» и о том, что «дети растут без родителей». «Разумеется, — комментирует автор антиссионистской статьи в газете, — они не уточнили, что свои семьи они разбили сами путем преднамеренного развода, а детей отпускали в Израиль, подписав свое согласие на их отъезд» (Тронин. 1987(1)).

просьбами и требованиями разрешить выезд или освободить «узников Сиона»; в оперативных списках «сионистски настроенных лиц». Но их участие зачастую сводилось к служебным ролям или ролям вторичным, их борьба была борьбой за мужа или за детей. Лаконичную иллюстрацию этого составляют цифры из докладных записок украинского КГБ в ЦК КПУ о митинге «сионистских элементов» в Бабьем Яру в сентябре 1972 г.: в списке задержанных на акции из 20 человек 6 женщин, а в списке «родственников и других близких связей осужденных», подписавших телеграмму в Президиум Верховного совета СССР с требованием выпустить задержанных, 7 женщин из 9 человек³. При множестве заявлений об особенной сплоченности отказнических супружеских пар в ситуации борьбы с властями и изоляции от советского общества эта сплоченность и эта борьба в значительной степени «оплачивалась» женщинами: они больше страдали от ухода с работы и потери профессиональной квалификации, выполняли рутинную работу в движении, заботились о физическом и психическом здоровье супругов и детей, ждали мужей из мест заключения, организуя кампанию за их освобождение, зарабатывая на жизнь, воспитывая детей и ведя хозяйство, — героями же движения становились мужчины, в памяти оставались мужчины и еврейская нация конструировалась как мужское сообщество. Гендерные отношения в еврейском движении не были уникальны; сначала мы рассмотрим основные женские и мужские роли и образы, а затем попытаемся осмыслить гендерную ситуацию отказного сообщества в свете его идеологии — национализма и иудаизма — и в контексте гендерной динамики в позднесоветском обществе и гендерной политики других позднесоветских альтернативных сред.

3 ГА СБУ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2, том II: 221-222, 237.

«Боевые подруги»: роли страдательные и служебные

Согласно раввинистическому праву, «женщина разводится по своей воле или против своей воли, мужчина же разводится только по своей свободной воле» (Мишна, Йевамот, 14.1). Этот тезис зачастую применим к решению об эмиграции и к попаданию в отказ.

Видный московский отказник китаист Виталий Рубин в своем биографическом интервью, данном уже в Израиле, рассказывает:

В 1970 году я узнал, что выезд в Израиль делается возможным. К этому времени я уже почувствовал глубокий интерес к Израилю и стремление жить именно там. И в июне 1971 года я заказал вызов (здесь и далее курсив мой. — Г.З.)⁴.

В своих составивших при издании два тома дневниках Рубин упоминает жену Инессу Аксельрод считанное количество раз (в то время как в тоже двухтомных воспоминаниях Инессы Виталию посвящен почти целый том), и один из них связан с решением подавать документы на выезд:

Угрожают лишения, невозможность что-то купить, куда-то поехать... Все это, в общем, не страшно. Жалко Ину, но и ей можно внушить мысль, что все это не так страшно⁵.

Подобную патерналистскую позицию в ситуации принятия решения об эмиграции занимали и другие будущие эмигранты. Если в воспоминаниях или интервью заходит речь о разногласиях по этому вопросу, то обычное распределение ролей таково: решение об эмиграции принимал муж, жена

4 Рубин. 1988(1): 24.

5 Рубин. 1988(1): 267.

подчинялась, преодолевая свои сомнения, нежелание расставаться со средой или любимым делом и т.п.⁶

Были семейные разногласия по этому поводу. Мужчины были за то, чтобы ехать, а женщины против. Но потом отцу удалось как-то убедить маму и сестру⁷.

Муж сказал, что он готов переехать сюда жить. Я колебалась, боялась, не представляла себе, как будет на новом месте⁸.

Я подчинилась только убежденности мужа [...] Раз он так твердо хочет, значит, вероятно, он прав. И я согласилась⁹.

Я вообще-то всю жизнь преподаю русскую литературу... [поэтому ехать не хотела] Но если бы Д. [муж] решился, я бы, конечно, поехала¹⁰.

Л. [муж] меня заставил подать. Я не хотела уезжать. Я всегда ненавидела это государство [СССР], не было минуты, чтобы я его не ненавидела, а уезжать я ни за что не хотела. Но потом уже стало понятно, что все к этому идет. Л. только выпустили на свободу и выдавливали из страны, кажется, даже приходил мент, забрал его паспорт и сказал, что обратно он его получит, только когда купит билет. Он сам очень хотел уехать. И нельзя было не поехать с человеком, который отсидел в лагере¹¹.

Нина Воронель, жена одного из лидеров московского отряда в начале 70-х физика Александра Воронеля, тоже не хотела уезжать:

При всей моей нелюбви к советской системе, я была плотью от ее плоти и не могла представить себе другого варианта судьбы [...] Кроме того, я [...] считала себя русским поэтом [...] А жизни русского поэта в изгнании позавидовать было нельзя!¹²

6 Случаи, когда жена не подчинялась, относятся к отдельной теме раскола семей в связи с перспективой эмиграции, и будут кратко описаны ниже.

7 Грушко. 1978: 64.

8 Арон. 1978: 95.

9 Кричевские. 1978: 162.

10 Мое интервью с Е.И.В., Москва.

11 Мое интервью с Н.Е.Р., Иерусалим.

12 Воронель. 2003: 325.

У нее были хорошие карьерные возможности, недавно она стала членом Литфонда, Образцов собирался ставить ее пьесу, но муж решил, что жить в этой стране больше не может:

Итак, вопрос был решен и приговор подписан. [...] А мне что прикажете делать? [...] Вызов не приходил очень долго, почти год, чему я была втайне рада — теперь в это трудно поверить, но тогда, воображая себя русским поэтом, я ужасно не хотела уезжать¹³.

Мои собеседники упоминали, что были и обратные случаи, но не могли их припомнить. Мне встретился единственный пример семьи, где инициатором отъезда была жена; точнее сказать, что она первая захотела уехать, но не принуждала и не убеждала мужа, дожидаясь, пока он «созреет» сам¹⁴. Я вполне допускаю, что были семьи, где жена выступала вдохновителем и «паровозом» эмиграции. Аналогичное допущение наличия примеров, отличных от описываемых в данной статье или обратных им, распространяется на многие из обсуждаемых ниже ситуаций и нарративов. Тем не менее, я полагаю, что даже при наличии альтернативных примеров собранные свидетельства достаточно многочисленны или весомы, чтобы служить основанием для некоторых наблюдений и выводов; они складываются в непротиворечивую картину, характеризующую гендерные отношения в еврейском движении и, шире, «отказных кругах».

13 Воронель. 2003: 333-335.

14 «С тех пор я стала думать об Израиле, о судьбах евреев, о судьбе нашей семьи и постепенно пришла к мысли, что мы должны уехать. [...] Я решила, что рано или поздно, но я увезу детей в Израиль. С мужем говорить на эту тему было невозможно, он даже слушать не хотел. [...] Несмотря на то, что решение мое было твердым, я считала, что уговаривать его не следует. Это очень серьезный шаг, и никто не должен ехать только потому, что за него кто-то решил. Поэтому, когда муж впервые спросил меня, не передумала ли я уезжать в Израиль, я была счастлива» (Векслер. 1978: 114).

Без особого желания, по чужой инициативе оказавшись в отказе или в рядах движения, женщины чаще мужчин теряли больше, чем обретали, или ощущали свое положение таким образом. Супруги теряли одно и то же: работу, включенность в привычные социальные сети, материальное благополучие или, по меньшей мере, стабильность, а преимущества новой жизни: членство в социально привлекательном (люди с высшим образованием, интеллигенция) сообществе единомышленников и соратников, приобщение к новой идеологии и традиции, участие в борьбе, ощущение собственной смелости, значимости и роли в истории — мужчины приобретали в большей степени. Рижский отказник Аркадий Цинобер в интервью так характеризует годы отказа:

Совершенно потрясающий период. Правда, жена очень страдала. Я был много раз в Москве, несколько раз в Ленинграде, один раз в Ташкенте, видел много людей, многое узнал, много читал еврейской литературы¹⁵.

Ленинградский отказник и любавический хасид Ицхак Коган вспоминает, что в отказе «для меня Софа [жена] была настоящей боевой подругой». При этом в отказе ей не давали работать по специальности, и она, хороший врач, теряла свою квалификацию. По приезде в Израиль она сумела создать собственную клинику, но вскоре любавический ребе отправил Когана посланцем в Россию, и Софа, теряя клинику, снова подчинилась: «Она очень любила Израиль. И в Россию вернулась только потому, что чувствовала: мы должны быть вместе»¹⁶.

Если муж становился активистом еврейского движения, жена вовлекалась в эту деятельность «по своей воле и против своей воли», в частности, лишаясь приватности традиционно

15 Цинобер. 2004.

16 Коган. 2011: 66–67.

женского, или семейного, пространства — дома. Разумеется, в советском обществе, при обоих работающих родителях и посещениях детьми детских заведений, дом не был столь маркированно женско-детской зоной, как в предыдущие эпохи, и все же радикальные изменения в использовании этого пространства при жизни в отказе не оставались незамеченными ни детьми¹⁷, ни женщинами, несшими ответственность за ведение хозяйства. Ради конспирации и по причине неразвитости публичных пространств в советском городе вся деятельность активистов — составление писем, сбор подписей, праздники, уроки иврита и научные семинары — протекала в квартирах. Минский отказник Эрнст Левин, уже находясь в Израиле, вспоминал в письме другу:

В Минске [...] чтобы вырваться [из СССР], мне приходилось совместно действовать и постоянно общаться с людьми, с которыми у нас часто не было больше ничего общего — только эта задача. И мы с [женой] Аськой часто мечтали: “вот приедем в Израиль, повесим на двери табличку ‘приема нет’, и никого на порог не пустим” [...] Ты не можешь себе представить, как страшно мы устали за эти два года. Не было дня, чтобы не являлось 10-20 посетителей¹⁸.

Если Левин, по-видимому, уставал от людского потока не меньше своей супруги, в некоторых семьях муж наслаждался общением, жена же страдала от дополнительного хозяйственного бремени. Описывая проходивший у них на квартире физический семинар «Коллективный явления», Нина Воронель

17 И получали в том числе положительную оценку: частое присутствие дома обоих родителей, их друзей и их детей, домашние детские сады, домашние костюмированные праздники (пуримшпили) и т.д.; например: «Мы были избалованными детьми. Нашим воспитанием очень много занимались, мамы часто не работали, отцы работали странно и бывали дома в рабочее время. В семьях было много детей, а дети друг-их отказников тоже были в какой-то степени родственниками» (Чернобыльская. 2011: 141).

18 Archiv der FSO. F. 30.45. 4/4: 300.

— в отличие от сообщений для иностранной прессы или воспоминаний участников, подчеркивавших научный уровень докладчиков и визиты иностранных гостей, — демонстрирует его второе лицо, если не сказать «телесный низ»:

Первой жертвой популярности семинара пала я — ведь приходило человек 30-40, иногда их число добиралось пятидесяти. Они затапывали пол до черноты, и каждый чего-нибудь требовал, кто воды, кто кофе, кто внимания. Я уже не говорю о туалете, который с ходу превращался в общественный, так что его приходилось потом долго драить и отмывать. С кофе я покончила быстро, приспособившись удирать из дому за пять минут до прихода первого гостя. С туалетом пришлось смириться, а пол от загрязнения я по мере сил спасала, строго-настрого запретив заходить в комнаты в уличной обуви¹⁹.

Домашние научные семинары проводились отказниками с двоякой целью: политической — привлекать к участию крупных иностранных ученых, а через них — внимание Запада к ЕНД — и профессиональной — держать себя «в форме». Мужчины-ученые, вынужденные оставить работу в своих институтах и лабораториях, отмечали отсутствие научной жизни и невозможность профессионального совершенствования как один из главных изъянов жизни в отказе и заботились о том, чтобы не потерять квалификацию окончательно. Женщины-отказницы, среди которых тоже были научные работники и кандидаты наук, участвовали в подобных семинарах в гораздо меньшей степени: в воспоминаниях и сохранившихся списках докладчиков фигурируют всего несколько женщин (в том числе Ирина Браиловская, Эрлена Матлина). Возможно, их квалификация не считалась (супругами, сообществом, ими самими) достаточно ценной или заботы о семье не давали им такой возможности. В итоге, как отмечала биолог Инна Йоффен-Успенская, активистка женского движения в рамках ЕНД, о

19 Воронель. 2003: 341.

котором речь пойдет ниже, «профессиональной деградации [...] женщины-отказницы подвержены в значительно большей степени, чем мужчины. [...] часто женщины просто не могут работать, поскольку должны все свои силы отдавать семье и детям [...] естественно, что забота о здоровье членов семьи лежит целиком на женщинах»²⁰. К представлению о естественности этой дистрибуции мы еще вернемся.

Женское участие в еврейском движении, конечно, не сводилось к драению унитазов: женщины преподавали иврит, писали письма во власть, устраивали голодовки и проводили протестные акции, но их присутствие во всех этих самостоятельных видах деятельности, во-первых, было заметно скромнее мужского, а во-вторых, относится больше к позднему периоду движения, к 80-м гг., на ранних же его этапах женщины чаще упоминаются как исполнительницы второстепенных, служебных ролей: они готовили еду, в том числе кошерную еду для соблюдающих иностранных гостей, переводили обращения мужа к иностранцам (Инесса Рубина-Аксельрод), печатали на машинке те же обращения или материалы самиздата:

...ни Саша [Воронель], ни Виктор [Браиловский] не умели тогда печатать на машинке, — вспоминает Нина Воронель, — так что всю черную работу [по самиздатскому журналу “Евреи в СССР”], как обычно, свалили на меня²¹.

Она же описывает следующую мизансцену:

Мы с женой профессора Марка Азбеля, Люсей, сидели на диване в полутемном коридоре чьей-то квартиры, ожидая, пока наши мужья закончат очередной телефонный разговор с Израилем, и

20 САНJP. ARS. Box 15. File 014-076.

21 Воронель. 2003: 343.

распутывали огромный клубок магендавидов на тонких серебряных цепочках²².

Бытовые механические действия на фоне важного политического дела: эта сцена может служить символом роли женщин в еврейском движении начала 1970-х или же репрезентации этой роли в памяти.

Женщины были весьма активны в петиционных кампаниях, но с определенной спецификой, состоящей в акценте на семье и детях, и зачастую их активность ограничивалась частным и низовым уровнем — более важные письма составлял муж. Так, в архиве Эрнста Левина сохранилось несколько десятков писем во власть, в том числе несколько жалоб Аси Левиной в местные органы власти в связи с лишением ее премии и притеснениями на службе; при этом петиции в высшие инстанции, в Москву, и обращения к зарубежным политикам или общественности, касающиеся судьбы всей семьи, подписаны только именем Эрнста.

«(Не) поедут за нами»

Значительная, если не преобладающая часть обращений во власть, а также к западным политикам и общественности, созданных отказницами, была написана в защиту их мужей, когда те оказывались в местах лишения свободы. Жены фигурантов Ленинградского процесса писали письма с требованием выпустить своих мужей; Инесса Рубина–Аксельрод жаловалась прокурору Краснопресненского района г. Москвы на «незаконное задержание» Виталия Рубина и помещение его в Можайскую тюрьму²³; Инна Сперанская–Шлемова просила Ю.В. Андропова прекратить следствие над ее мужем Иосифом

²² Воронель. 2003: 385.

²³ Archiv der FSO. F. 01-073. S.p.

Бегуном и отпустить их в Израиль²⁴; Наталия Ратнер обращалась к английской королеве с просьбой помочь добиться освобождения ее мужа Алексея Магарика, отбывавшего срок по сфабрикованному уголовному обвинению²⁵; за своих мужей боролись Наталья Щаранская, Татьяна Эдельштейн и многие другие. Примечательно, что и в отсутствие мужа женская борьба все равно велась как борьба за арестованных мужчин и в защиту семьи. Так, многолетняя отказница и активистка Ида Нудель, не имевшая мужа и детей, но боровшаяся за других и известная как «мать всех отказников»²⁶, в открытом письме Л.И. Брежневу в сентябре 1975 г. призывала освободить фигурантов самолетного дела, чтобы вернуть их родным «семейное счастье»: «молодой женщине Сильве Залмансон верните мужа — Эдуарда Кузнецова и подарите счастье ей стать матерью и женой»²⁷.

Оба эти вида деятельности — прием гостей, уборка и готовка, и борьба за арестованных супругов — были вполне естественны для хозяек дома и любящих жен. Но в итоге, занимаясь такими делами, женщины накрепко привязывали себя к этим семейным ролям — «боевой подруги» и матери, и именно так их место в движении виделось мужчинам и описывалось в мужских нарративах: место не актора, но помощницы актора. Женщины-спутницы — важный компонент героической маскулинности наряду с любым противостоянием врагу или, в данном случае, власти — от систематического и опасного до окказионального и незначительного. Можно предположить, что отказницы выполняли еще одну

24 Архив Ваада. Ф. 1. Д. 2. Б.п.

25 Архив Ваада. Ф. 1. Д. Магарик. Б.п.

26 См., например, Шехтер. 2021.

27 Петиции, письма и обращения. 1979: 171.

служебную функцию — на метауровне: давали возможность мужчинам утвердить свою маскулинность, проблематичную с разных сторон: как маскулинность евреев, интеллигентов и в целом «лишних» советских мужчин 1960–1970-х, не воевавших, не совершавших трудовых подвигов и не способных приблизиться к идеалам мужественности прежней эпохи: революционерам, стахановцам, партизанам и т.п. Хрупкая маскулинность представителей еврейской технической интеллигенции, еще и попавших в крайне уязвимое положение вследствие отказа и регулярно унижаемых властью, нуждалась в подкреплении, каковое обеспечивалось отчасти мелкими — ситуативными и/ли риторическими — победами во взаимодействии с чиновниками, милиционерами, «людьми в штатском», которые с неизменным удовольствием излагаются в нарративах движения²⁸, отчасти же — преданностью «боевых подруг».

Знаменитым историческим прототипом для жен арестованных отказников, по меньшей мере — в восприятии их мужей, были жены декабристов.

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы
Ни старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского.

Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого частого,
Но не будутпытывать
Имена соучастников.

28 Подробнее об этих «мальчишеских» выходках и насмешках над представителями власти и извлечении из этого морально-психологической выгоды см.: Зеленина. 2021.

Мы не будем увенчаны...
И в кибитках, снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами.

Стихотворение Наума Коржавина «Зависть» (1944) цитируют несколько представителей поколения старших отказников, например, Александр Воронель в программном автобиографическом эссе «Трепет иудейских забот»; вероятно, они рассматривали этот упрек как актуальный для себя и были рады его опровергнуть по обоим пунктам: внимание властей и преследования и преданность жен. Если Воронелю удалось выйти «на Сенатскую площадь» и подвергнуться выпытыванию «имен соучастников» еще в 1946 г., то некоторые другие смогли удовлетворить коржавинскую «зависть» в 1970–1980-х.

Помимо борьбы за мужей отказницы буквально, как жены декабристов, отправлялись к ним «в кибитках снегами» и потом вспоминали об этих поездках в письмах и интервью, представляя свой поступок как совершенно естественный. Ленинградская отказница Ирина Леина в письме британской активистке Барбаре Дин, отправленном 26 февраля 1982 г. из Красноярского края, рассказывала, как отправилась к мужу в ссылку в г. Абакан, оставив детей в Ленинграде. В Абакане было очень холодно («снега»), но зато муж теперь мог жить не в бараках, а с ней в комнате, которую они снимали у местных²⁹. Другая ленинградская отказница А.Л. вспоминает, как поначалу боялась и страдала, наблюдая активистскую деятельность мужа:

Когда Володя подписал первое коллективное письмо на мадридскую встречу, я очень долго плакала и говорила: “Я тебя очень

29 САНJP. ARS. Box 17. File 094.

хорошо знаю — если ты сделал первый шаг, будут и дальнейшие”. И то, что я 4–5 лет до посадки довольно много плакала — это правда.

Когда мужа посадили, А.Л. начала самоотверженную борьбу за него, добилась разрешения на свидание и полетела в Петропавловск–Камчатский, причем в управлении лагерей ей сказали:

“Неужели вы потратите 200 рублей на дорогу только в один конец ради того, чтобы увидеть своего мужа?” — мол, это так нерентабельно. Я изумилась: “А что, разве ваша жена не потратила бы?” Тут он покраснел и сказал: “Ну ладно, я им позвоню”³⁰.

«Увенчанные» же, к которым поехали «настоящие женщины», в своих автобиографических нарративах и нарративах движения сводят как своих жен, так и других отказниц к служебным функциям «верной подруги» и помощницы. Например, Иосиф Бегун, герой множества петиций, написанных в его защиту его женами, в своих мемуарах, описывая отказную среду, перечисляет преимущественно мужчин, женщины же упоминаются где-то между чертами лица и багажом, как приятный аксессуар, все личное волеизъявление которого заключается в стоической преданности делу, которым занимается муж. «В вагоне электрички нас оказалось несколько десятков человек [...] с огромными рюкзаками, палатками, гитарами и веселыми девушками». Владимир Слепак — «человек с красивой окладистой бородой, открытым доброжелательным взглядом и надежной помощницей женой Машей». «Жена Давида [Хавкина] героически сносила этот бедлам»³¹.

Виталий Рубин в своем дневнике сравнивает свою сестру Марию и Наталью Щаранскую, наблюдая в их борьбе за брата и мужа персональную эволюцию: из обычных женщин они,

30 Гимельштейн. 1987: 107, 115.

31 Бегун. 2019: 93, 105, 111, 102.

отдавая все силы кампании в защиту близких мужчин, превращаются в борцов. Рубин одобряет, даже восхищается этой трансформацией, но нельзя не отметить его высокомерное отношение к этим женщинами априори: ни в своей сестре-близнеце за пятьдесят лет общения, ни в «доброй и кроткой» Щаранской он никогда не видел ничего «замечательного». Замечательными они смогли стать только по чужой воле — по решению близких мужчин, ввязавшихся в борьбу и потянувших их за собой:

18.06.1977. [...] Я подумал, что ее [Наташи Щаранской] ситуация является тем вмешательством Божиим, когда из несчастья близкого человека, в борьбе за него, вырастает новая личность, открываются неожиданные родники силы и решимости, при других обстоятельствах никогда бы не проявившиеся. Я помню, как я был поражен, когда сенатор Перси сказал, что Маруся [сестра] — замечательная женщина — я никогда ее такой не воспринимал. Потом, когда я узнал, как она писала сотни писем, ни разу не ходила в кино за четыре года, как она не ложилась спать до трех часов ночи (Лилит рассказала, что когда она была у них в гостях, она все время писала письма), я понял, что Перси сказал не зря. С Наташей происходит то же самое, но в еще больших масштабах. Разговаривая с ней и слушая ее выступление, я понял, что она захвачена этой своей новой ролью, что она чувствует (и совершенно справедливо), что выступает не только за себя, но и за весь Израиль. Из доброй и кроткой женщины вырос борец³².

Следование этим ролевым моделям продолжится и дальше, в деле сохранения памяти: во второй половине 1980-х гг. в Израиле Мария Рубина и Инесса Рубина-Аксельрод будут заниматься изданием дневников погибшего в 1981 г. брата/мужа и философских заметок и статей отца/свекра³³.

Существует и обратный рубинскому, критический взгляд на роль «жены декабриста» не как на чудодейственный

32 Рубин. 1988(2): 231–232.

33 Рубин. 1988(1); Рубин. 1988(2); Рубин. 1985; Рубин. 1988(а).

источник личностного роста, а как на кандалы, в которые обязательства или сообщество заковывают личность, склонную к другому и способную на большее:

Процесс [Синявского-Даниэля] перевернул всю ее [Ларисы Богораз] жизнь. Ей была навязана процессом не вполне подходящая ей роль “верной подруги” Даниэля [на тот момент они уже не жили вместе], и она отдала этой роли много сил. Она сделала больше, чем могла бы сделать любая другая женщина для своего бывшего мужа. Однако эта неестественная роль тяготила ее, а рамки, в которые старые друзья хотели бы ее втиснуть, были ей слишком узки. После процесса она стремилась вырваться и вырвалась [...] Она сама превратилась в лидера [...] ...Марья Синявская тогда [...] исполняла скромную — тоже очень ей несвойственную — роль преданной, на все готовой для своего мужа женщины...³⁴

Отмечая это несоответствие личности женщины навязываемой ей роли «верной подруги» у других, Нина Воронель не пишет того же про себя, возможно, не видя себя жертвой аналогичного принуждения (и действительно, Воронель в это время не арестовывался и уборка квартиры после семинара не идет в сравнение с борьбой за «узников Сиона»), возможно, не желая разрушать образ дружной пары, который создает на протяжении всех мемуаров.

Если в процитированной дневниковой записи Рубина снисходительное отношение прикрито одобрением, то в поведении и текстах других отказников встречается неприкрито пренебрежительное отношение к женам и сподвижницам по отказу. Рижская отказница Лея Словина вспоминает о встрече с московским активистом Давидом Дабкиным:

Дабкин устроил мне проверку на первой встрече. Когда я ему позвонила, он говорит: “Я с дамами предпочитаю встречаться не на деловой основе”. То есть он женщинам не доверял, но потом

34 **Воронель.** 2003: 152. О «декабристском сценарии» в диссидентских кругах пойдет речь ниже.

сменил гнев на милость и со мной встретился. Он приехал на мотоцикле и показал мне, чтобы я села сзади. Но я не могу держаться за чужого мужчину, не так воспитана. Это было что-то страшное. Мы выехали за город, и он сказал со своей кривой усмешкой: “Слезайте, вы выдержали экзамен”³⁵.

Устроенный Словиной «экзамен» был, конечно, апофеозом мужественности ее экзаменатора, включая и намек на успех у женщин («с дамами [...] не на деловой основе», ср.: «Я езжу к женщинам, да только не за этим» Чацкого), и нетипичное транспортное средство, и само самопровозглашенное право испытывать соратницу по движению на основании ее пола.

Женщинам в движении продолжали не доверять и двадцать лет спустя, когда женщины гораздо чаще проявляли самостоятельную активность и в рамках еврейского движения действовало движение женское. Протестные акции вроде голодовок или стояние с детьми и плакатами на балконах одобрялись мужьями, а более ответственные действия, включающие выступление перед иностранцами, — не всегда. Члены группы «Еврейские женщины за эмиграцию и выживание в отказе» вспоминают, как их позвали выступить на Международном конгрессе борьбы за мир, перед зарубежными «группами писниками»:

Мы посоветовались с нашими мужчинами. Они встали на дыбы: “Что за чушь? Это провокация! Никто не даст вам даже приблизиться к сцене. В каком отделении милиции вас потом отыскивать?” В общем, сказали нам, что мы никуда не пойдем. А мы сказали: “Пойдем!” Как мы могли отказаться, если шанс выступить, хоть и крохотный, все же был?³⁶

В этом запрете можно увидеть как беспокойство за своих жен и подлинную уверенность в неосуществимости плана,

35 Словина. 2005.

36 Аграчева. 1997.

так и нежелание давать им голос, недоверие к ним как к спикерам, возможно, намерение оставить важнейший ресурс — общение с иностранцами — в своих руках.

Снисходительность в отношении отказников к женщинам, в том числе к собственным женам, выражалась в использовании, пусть ироническом, распространенных мизогинистских стереотипов о женском легкомыслии, граничащим с интеллектуальной ущербностью по сравнению с мужчинами, и приземленности, ограниченности частными интересами и сосредоточенности на бытовой стороне жизни. Ленинградский отказник и преподаватель иврита Роальд Зеличенко в письмах упоминал свою жену Галину (тоже, разумеется, активно борющуюся за него, когда он был в лагере³⁷) в следующих выражениях: «со свойственной женщинам последовательностью», «моя дражайшая половина [...] никак не могла понять, что можно говорить по телефону, а что нельзя»³⁸. Муж Леи Словиной Борис приезжал в Москву просить у Давида Драбкина денег на пишущую машинку для рижских активистов: «Тот подумал и достал деньги из платяного шкафа. Жена его побледнела. Это были деньги, отложенные ей на новое

37 Например, письмо Галины Зеличенко Стелле Розан (САНП. ICJW/94), в котором она сетует на то, что муж без работы и плохо себя чувствует; письмо Жаку Морейону (Международный комитет Красного креста, Женева) от 6.9.1986 с просьбой «спасти моего мужа Зеличенка Роальда Исааковича», находящегося в лагере и страдающего от ряда тяжелых заболеваний (САНП. ARS. Box 3B. File 029-089); обширная переписка со Львом Утевским, находящимся в Израиле и помогающим в борьбе за Зеличенка (САНП. ARS. Box 3B. File 029-088).

38 САНП. ARS. Box 3B. File 029-085. При этом нет сомнения, что отношения супругов были теплыми, проникнутыми взаимной заботой (см. письма Р. Зеличенка жене из лагеря (САНП. ARS. Box 3B. File 029-085), то есть подобная снисходительная риторика в письме к друзьям могла отражать скорее конвенции, принятые в мужском кругу, чем подлинное отношение.

пальто»³⁹. Аналогичное стереотипное противопоставление: мужчины готовы отдать последнее на нужды движения, женщины озабочены своим внешним видом, — иронически транслирует Нина Воронель:

Дело было в декабре. Марья и Ларка, как обычно, опаздывали, и я, пользуясь передышкой, стала с восторгом рассказывать Саше, что в магазинах появились замечательные шерстяные колготки — настоящее спасение в московском климате. Стоили они 12 рублей штука, и Саша строго объявил мне, что мы не имеем права тратить деньги на всякую дамскую ерунду, когда наши боевые подруги нуждаются в каждой копейке. Я, глотая слезы, вынуждена была согласиться с его суровой мужской логикой. Раздался звонок, и в комнату ввалились боевые подруги, раскрасневшиеся и слишком веселые для безутешных соломенных вдов. “А что мы сейчас купили!” — хором воскликнули они и дружным слаженным движением задрали юбки. На них переливались изящным узором недоступные мне шерстяные колготки. Я молча посмотрела на Сашу — ни слова не говоря, он сунул руку в заветный карман, где лежала его зарплата, предназначенная для борьбы, и выдал мне запретные 12 рублей⁴⁰.

Тот же мотив женской мещанской ограниченности встречается и в дневнике Рубина — здесь мещанские интересы жены противоположены не революционному аскетизму мужа, а его интеллектуализму и персональному национальному возрождению:

Я был поглощен мыслями о прочитанном у Гешеля о неожиданном совпадении истории моей собственной жизни с историей моего народа и не мог поэтому делить некоторого ажиотажа Ины в связи с ожидавшимися покупками⁴¹.

Этот кадр, зарисовка минутного несовпадения настроения в семье, тоже выглядит как символ гендерного

39 Так рассказывает Лея Словина в интервью Михаилу Бейзеру (Beizer. 2012: 363).

40 Воронель. 2003: 150-151.

41 Рубин. 1988(2): 164.

дисбаланса в истории еврейского возрождения: в то время мужчина приобщается к истории «своего народа», женщина увлечена мелкими мещанскими радостями.

Подобные образы женщин не могли не способствовать утверждению мужского превосходства: пренебрежение бытовой стороной жизни и волюнтаристское отношение к семейному бюджету превращалось в героизм и самопожертвование.

Ощущения собственной значимости, вероятно, добавляло количество женщин, готовых к самопожертвованию и борьбе за своих мужчин. К примеру, Иосиф Бегун был по меньшей мере четырежды женат⁴², разные его жены вели активную борьбу за мужа⁴³, он же в своих мемуарах упоминает их исключительно как верных помощниц, отмечая, что хранил у них на квартирах свой архив и что они приезжали к нему в ссылку, но ничего не рассказывает про них самих, в каком-то смысле лишая их субъектности. Другой показательный в отношении объективации женщин пример — мемуарный очерк видного ленинградского отказника, посвященный истории его фиктивного брака с иностранкой⁴⁴. Некоторые его пассажи написаны иронически, но, если отказаться от этой привычной интонации в пользу буквального прочтения, нельзя не увидеть в них определенного цинизма. Желая ускорить получение разрешения на выезд, а заодно защититься от «органов», которые, по его мнению, готовили против него процесс, автор решил заключить фиктивный брак с иностранкой. На тот момент он был «разведен, то есть *свободен*, и в этом имел преимущество перед *обремененными* семьями отказниками. В этом же

42 На Алле Красильщиковой, Алле Друговой, Инне Сперанской-Шлемовой, Алле Юдиной.

43 Сохранилось много писем во власть Аллы Друговой и Инны Сперанской-Шлемовой.

44 Бейзер. 2008.

была и моя слабость: им-то *жены будут передачи носить*, а мне кто?» Его познакомили с американской туристкой — активисткой борьбы за советское еврейство, которой «явно хотелось проводить время со мной, слушать мои объяснения, сидя на диване или гуляя по пустынным вечерним набережным. Возможно, мои черные локоны и борода напоминали ей университетских товарищей — интеллектуальных радикалов, почти всегда евреев». В очереди в ЗАГС к обладателю черных локонов подошла шведская туристка, по ошибке принявшая автора за своего фиктивного жениха:

Я и не знал, что у меня был широкий выбор. Два месяца спустя в Ленинград приехала Мэри, моя новозеландская знакомая по переписке. Когда я рассказал ей о своих матримониальных усилиях, мой киви-френд заметила с некоторой обидой в голосе: «Почему же ты не обратился ко мне? Я тоже могла бы это сделать».

Вернувшись в Америку, молодая жена развернула масштабную петиционную кампанию, добиваясь, чтобы ее мужа выпустили из Советского Союза: «Работа, сделанная ею [...] не поддается описанию». По приезде в Израиль автору передали посылку от американки:

Она сложила туда всё моё, чтобы ничто в её доме ей обо мне больше не напоминало. В коробке были новые очки, которые она мне купила, её переписка со всем миром ради моего выезда, фотографии, сделанные в Ленинграде, а на них ни одного изображения её самой. Ко всему была приложена записка: «Благодарю за приглашение участвовать в этом приключении».

Красивая история женского самопожертвования ради незнакомому «униженного и оскорбленного», подпорченная позицией автора, не только не смущающегося собственным прагматизмом и односторонностью их взаимодействия, но и с тщеславной бестактностью намекающего на неравнодушие спасительницы к его мужским прелестям.

Заметим, что декабристы, к которым отсылает стихотворение Наума Коржавина, отнюдь не стремились ни привлечь, ни эмансипировать женщин. В само движение и его организации: Союз благоденствия, Северное и Южное общества — женщины не принимались, политические программы декабристов лишали женщин права голоса и престолонаследия, позволяя им разве что присягать на верность государству⁴⁵. Немногочисленные жены декабристов, последовавшие за мужьями в ссылку, демонстрировали своим героическим поступком скорее преданность супругам, чем причастность к их чаяниям и борьбе. Т.е. идеал Коржавина и тех, кто его цитировал, — сугубо мужское братство, в тени которого услужливо ждут преданные женщины.

Обратимся и еще к одному релевантному для еврейских активистов историческому прецеденту — революционному движению. Есть свидетельства того, что отказники, воспитанные в силу возраста на историях про «пламенных революционеров», не могли не сравнивать свои конспиративные практики в борьбе с КГБ с большевистским подпольем⁴⁶ и не гордиться своим сходством с кумирами юности⁴⁷. В отличие от декабристов российское социалистическое движение

45 **Стайтс.** 2004: 169–170.

46 Подробнее см.: **Зеленина** 2021: 275–276.

47 В. Рубин записывал в дневнике: «Фактически я теперь под полноценным домашним арестом: выход из дома грозит немедленным настоящим арестом. Никогда не думал, что могу быть подвергнут такой почетной форме ареста, про которую в детстве еще читал и думал: “Как приятно, наверно, находиться под таким арестом”» (**Рубин.** 1988(2): 100). Р. Зеличенко в лагере читал мемуары народовольца Н.А. Морозова, проведшего 30 лет в заключении, в том числе в одиночке в Шлиссельбургской крепости, и сохранившего душевное и физическое здоровье, оптимизм, любовь к людям, занимавшегося самообразованием, и старался следовать его примеру (**САНУР.** ARS. Box 3B. File 029-088).

отноудь не было исключительно мужским, но женская его составляющая многое потеряла после победы большевиков. Числа в своих рядах многих замечательных женщин, большевики сначала переиграли и поглотили российское феминистское движение, заставив женщин предпочесть классовую борьбу гендерной, а затем поставили женщин на службу идеологической и экономической мобилизации населения — от пропаганды коммунизма в отдаленных районах до индустриализации, когда же почувствовали, что женщины выполнили свою полезную функцию, положили конец их деятельности, закрыв женотделы, и вернулись к патриархальной гендерной политике (запрет аборт, усложнение процедуры развода)⁴⁸. Женщины в еврейском движении, также будучи товарищами мужчин по подполью и разделяя с ними все тяготы отказной жизни, отдавали свои силы уже не классовой, а национальной борьбе, борьбе за право евреев на эмиграцию и/или еврейскую жизнь в Советском Союзе, — но не борьбе за свои гендерные права. В этой национальной борьбе и в формирующемся национальном сообществе они, как в свое время большевички, претерпевали некоторую маргинализацию.

«На землю отцов»: мамы и папы

Некоторые национально пробудившиеся евреи, сравнивая своих родителей, видят там несовпадение интересов и ценностей: носителем национальной идентичности оказывается отец, которым рассказчик гордится и к которому возводит свое еврейское самосознание, мать же, более ассимилированная и более конформистски настроенная, удостаивается несколько снисходительных отзывов: конформизм граничит с трусостью, вера в социалистические идеалы — с глупостью.

⁴⁸ Стайтс. 2004: 381-467.

В марте 1976 г. Виталий Рубин анализирует в своем дневнике прежние семейные конфликты по еврейскому вопросу:

Я понимаю теперь, вспоминая подчас вспыхивавшие между мамой и папой перепалки на тему о том, что папа слишком выставляет свое еврейство, что они принадлежали к по-разному духовно ориентированным частям нашего народа. Мама вышла из ассимилированной буржуазной среды, утратившей связь с еврейской традицией и пытавшейся если не скрыть, то всячески затушевать свое еврейство. Папа же был настоящим евреем, никогда не отказывавшимся от своего еврейства и всегда ощущавшим себя носителем этой удивительной традиции⁴⁹.

Один из еврейских активистов следующего поколения также наследует еврейскую идентичность от отца. Отец был очень чувствителен к национальному вопросу и антисемитизму и передал это отношение сыну:

Классе в четвертом один из моих одноклассников сказал мне слово “жид”. Я рассказал дома, мама посоветовала не обращать внимания, а папа сказал как отрезал: “Только слышишь это слово, вообще не отвечай ничего — сразу бей. Причем бей до крови”.

В другой раз произошел конфликт с учительницей из-за освещения еврейского вопроса в сочинении:

Вечером стал я об этом рассказывать маме, и ее первой реакцией, как у любой советской еврейской мамы, было: “Напиши, что они там хотят, и не связывайся. Зачем тебе это надо? Напиши лучше об образе какого-нибудь Базарова”. На мое счастье, папа в этот день пришел раньше, чем всегда, услышал краем уха этот разговор и сказал: “Я пойду”. В школе он до этого не был ни разу и после этого ни разу не был.

И в других ситуациях, которые этот рассказчик вспоминает в своем интервью, его мама занимает позицию конформную и пассивную (например, оказавшись с сыном на отдыхе во время Шестидневной войны, пугается перспективы

49 Рубин. 1988(2): 192.

погромов и срочно возвращается в столицу). Отец же защищает национальное достоинство, понимаемое в то же время как достоинство мужское. Испуганному по той же причине соседу он заявляет:

Ну что вы как баба, что вы ноете? Если боитесь, хотя бы положите топор около дверей. Вы поймите, это же нам возвращают национальное достоинство⁵⁰.

Национальное достоинство, таким образом, возвращают еврейским мужчинам, «бабы» же вольны оставаться при своей виктимной идентичности. В пандан к этой истории рассказчик вспоминает, как много позже, после смерти Ариэля Шарона, он поехал в израильское посольство и в траурной книге отзывов написал: «Спасибо, генерал, что вы вернули таким, как я, советским еврейским мальчишкам 60-х национальное достоинство»⁵¹; не «детям», не «ребятам» — только «мальчишкам».

Деятель еврейского возрождения уже постперестроечной эпохи, вспоминая свое детство, описывает маму как носительницу мейнстримной советской ментальности, склонную к компромиссам и конформизму, разделяющую советские гражданские идеалы (вроде «интересов страны» и «пользы обществу»); отец же характеризуется как «настоящий» еврей, отделяющий себя и «своих» от «гоев», враждебно относящийся к советской власти и настроенный на эмиграцию⁵².

Еврейская идентичность — как некоторый корпус знаний, так и, что важнее, еврейское самоощущение, — по мысли еврейских активистов, передается патрилинейно. В отсутствие отца это место занимает учитель. Иосиф Бегун в своих

50 Куповецкий. 2015: 187, 186, 189.

51 Куповецкий. 2015: 189.

52 Горин. 2015: 433–434.

мемуарах упоминает, что много общался с подругами матери — женщинами, не обделенными еврейским самосознанием, носительницами идиша и т.п., — но своим «Учителем» — как языка, так и еврейства в целом — он называет мужчину, Льва Григорьевича Гурвича, и свой путь еврейского возрождения отсчитывает от знакомства с ним⁵³.

Это представление о патрилинейности получало подтверждение в ситуациях, когда мужчина осознавал себя евреем и хотел уехать в Израиль, а его (бывшая) жена не хотела и чинила ему препятствия: не отпускала с ним ребенка или же не отпускала его самого, не желая лишаться алиментов. Движение, разумеется, становилось на сторону отца. Обширная петиционная кампания была посвящена защите интересов московского физика Александра Темкина, который вошел в еврейские круги и увлек дочь-подростка идеей эмиграции в Израиль, изучением иврита и т.п. Бывшая жена Темкина Майя Райская, с которой после развода жила девочка, не собиралась ни сама уезжать в Израиль, ни отпускать дочь с отцом. Можно предположить — хотя история движения не дает ей слова, — что она считала важным обучение дочери во французской спецшколе, но дабы изолировать девочку от влияния отца, она согласилась отправить ее посреди учебного года в пионерлагерь «Орленок» на черноморском побережье Кавказа. Сам Темкин и другие активисты написали много петиций с требованием вернуть девочку отцу и разрешить им обоим выехать на историческую родину. Примечательна гендерная риторика некоторых из этих писем. Так, трое мужчин-активистов — М. Азбель, М. Гитерман, А. Воронель, — апеллируя к собственному статусу отцов («у нас тоже есть дети и мы не можем молчать»), снимают со счетов мать, которая из-за

53 Бегун. 2019: 79–93.

своей «неправильной» позиции, с их точки зрения, должна лишиться родительских прав:

Может быть, до этого случая у кого-нибудь могло шевельнуться в душе сочувствие к бедной матери [ведь в случае отъезда дочери она бы расставалась с ней навсегда]. Но теперь произошло событие, которое отняло у матери то, что полагалось ей от природы. По ее требованию ребенка уволокли в неизвестном направлении [то есть увезли в “Орленок”; “неизвестным” направление некоторое время оставалось для отца]...⁵⁴

Кейс Темкина, как кейс конфликтный, более выпукло, чем случаи «верных подруг», иллюстрирует андроцентричность и патрилинейность еврейского движения: новое, национальное олицетворяется отцом, старое, советское — матерью. Для сравнения приведем сходную историю в изложении советской печати — здесь, разумеется, мы найдем не сочувствие эмиграционным чаяниям героя, а гордость за справедливые советские законы:

[Когана] не отпускает бывшая жена, которая требует выплаты алиментов вперед вплоть до достижения совершеннолетия их маленькой дочери. Убедившись, что женщина не отступится от своих обоснованных требований, он начал шантажировать ее письмами в различные инстанции, по месту работы ее и ее родственников [...] Коган прибегнул к испытанному приему — письмам с воззванием о помощи. В своем обращении к известному в США тележурналисту Филу Донахью и советскому телекомментатору Владимиру Познеру он жаловался на свою судьбу и несправедливость советских законов, защищающих брошенных мужьями женщин с детьми. [...] В адрес правительства Молдавии как по команде посыпались из-за океана телеграммы, в которых выражается протест против “бесчеловечных преследований советских евреев”, в частности, Когана⁵⁵.

Представления активистов о патрилинейности еврейства риторически проявляются в устойчивом в петициях

54 Петиции, письма и обращения. 1977: 42-43.

55 Тронин. 1987(2).

топосе «земля отцов». Отказники стремятся уехать в Израиль — на «землю отцов», связывая всю «нашу жизнь, наше будущее» с «Родиной Отцов в Израиле», планируют воссоединиться «со своим народом на земле Отцов»⁵⁶, надеются на «Исход нашего народа в землю Отцов»⁵⁷. Примечательно, что и женщины описывают репатриацию как возвращение «домой, на свою землю, к своим *братьям*»⁵⁸.

Согласно иудейской традиции, еврейство передается по материнской линии. В культурах криптоиудаизма, тайного соблюдения еврейской веры в условиях запрета и гонений, важную роль играли женщины, поскольку центр еврейской жизни из больше не существующих синагог или ешив перемещался в приватное, женское, пространство, в дом.

Однако еврейские активисты, представители не скрытого, но нарождающегося иудаизма и национального сознания, формировали патрилинейную картину, возводя свое еврейское самосознание к отцу или учителю и с некоторым снисхождением отмечая ассимилированность и конформизм матерей. В результате, и диахронно, и синхронно новая еврейская нация конструировалась как преимущественно мужское сообщество, что и в целом свойственно для национализма, ради здорового будущего народа, утверждающего патриархат, нормативную маскулинность и семейные ценности⁵⁹.

По сравнению с по меньшей мере декларативным гендерным равноправием в советской идеологии и действительности⁶⁰ еврейское движение, важным (хотя отнюдь не

56 Петиции, письма и обращения. 1973: 295–296.

57 Петиции, письма и обращения. 1973: 336.

58 САНJP. ARS. Box 15. File 014-071.

59 Mosse.1985.

60 Впрочем, оно не было исключительно декларативным; если сравнивать с дореволюционной ситуацией и с положением женщин в странах

всеобщим) компонентом которого было приобщение к религиозной традиции, патриархальной, видящей еврейское сообщество как сообщество «сынов Израилевых» и не допускающей женщин до важнейших религиозных практик, для женщин было, в каком-то смысле, шагом назад. Стоит оговорить, что при некотором разнообразии в рядах *баалей тишва*, активистов, «вернувшихся» к религии, возвращались они только к ортодоксии — попытки создать консервативную или реформистскую общину по американскому образцу, предполагающую ту или иную степень гендерного равенства, нам неизвестны. Начиналось «возвращение» с отращивания бород, которое не было просто производной моды 1960-х⁶¹; борода стала символом не только контркультурности нарождающегося сообщества, но и его мужского характера.

«Мы, еврейские матери»: женское движение

Сосредоточимся не на отношении к женщинам, а на собственно женской деятельности в рамках еврейского движения, на женщинах как акторах: авторах петиций, организаторах и участницах акций, членах женских групп.

Женская петиционная активность, как уже упоминалось, была вполне сопоставима с мужской по масштабу, но имела определенную тематическую специфику. Женщины, как правило, писали о мужьях (прежде всего, задержанных, находящихся под следствием, в лагере или в ссылке) и малолетних детях.

В коллективных письмах жен фигурантов ленинградских процессов место женщин в движении как, прежде всего, жен и

Запада в то же время, решение «женского вопроса» в Советском Союзе, зиждущееся на революционных преобразованиях, оценивается как исключительно прогрессивное. См. **Стайтс**. 2004: 527–565.

61 О бороде как важном элементе облика шестидесятников и их кумиров см.: **Вайль, Генис**. 2001: 58, 65, 67, 71.

матерей исключительно ясно эксплицировалось принятой формой подписи, включающей имя, имя мужа, количество и возраст детей, например: «Ягман Муся Хаим–Лейбовна, жена Ягмана Льва Наумовича, мать двоих маленьких детей 6 и 3 лет»⁶². В отличие от многих других писем, писем мужчин, здесь не указывалась ни должность, ни профессия, поскольку женщины писали не как самостоятельные активисты, а как жены и матери и ждали реакции, основанной не на уважении к их важной специальности или высокому статусу, а на сочувствии и гуманизме. Упоминался также факт беременности или грудного вскармливания. Некоторые отказницы в своих петициях использовали это обстоятельство, жалуясь на возможный вред, наносимый здоровью матери и ребенка состоянием тревожного ожидания, в котором они пребывали:

...сейчас, будучи беременной, я беспокоюсь за здоровье моего будущего ребенка, поскольку непрерывно переживаю за наше настоящее и будущее⁶³.

Жанр «обращения матерей» с такими устойчивыми оборотами, как «чувства матери», «сердце матери», развивался, с годами таких петиций было все больше. В 1975 г. петиционерки активно эксплуатировали тему Года женщин (1975), впрочем, в последующие годы число писем от женщин не только возрастало. В одной из поздних петиций — коллективном письме Нэнси Рейган от женщин — членов ленинградской еврейской общины «Взаимопомощь» (1986) подписантки описывают бедственное положение своих детей, которым приходится «приспосабливаться и лгать» в школах, и свои «чисто женские беды»: «Годы тревог, надежд и разочарований старят нас. Мы были привлекательными для наших

62 Петиции, письма и обращения. 1973: 310.

63 Петиции, письма и обращения. 1980: 293.

мужей женщинами», но «травмы, пережитые нами, не проходят бесследно»⁶⁴.

По принципу аналогии письма жен и матерей адресовались советским и зарубежным выдающимся женщинам — от Александры Пахмутовой до Индиры Ганди и госпожи Никсон — и подчеркивали их пол, а по возможности и материнство⁶⁵. Самым, пожалуй, популярным адресатом подобных обращений была Голда Меир — как просто мать («Уважаемая Голда Меир! Вы сама мать и можете понять...»⁶⁶) и как «мать еврейского народа»: «Евреи всего мира смотрят на Вас как на свою мать. Разрешите и мне обратиться к Вам как к матери...»⁶⁷. Жена отказника Марка Азбеля просила отпустить их пятилетнюю дочь в Израиль, так ее психика искалечена арестом отца. Обращаясь к женам Киссинджера, Форда и Рокфеллера, она писала: «...верю, что сколь высокое положение ни занимала бы женщина в обществе, она остается матерью»⁶⁸. Редкий, если не единственный пример мужской разновидности этого приема — обращение к Л.И. Брежневу «как к отцу»:

Обращаясь к Вам, я надеюсь найти понимание, так как вижу в Вашем лице и отца, воспитавшего детей в духе любви к своему народу, и государственного деятеля, понимающего, что нарушение законности недопустимо⁶⁹.

Отказницы обращались также к советским, а особенно к зарубежным женским организациям, апеллируя к женской солидарности и называя себя «вашими сестрами»⁷⁰, которые

64 САНП. АРС. Вох 3А.

65 Петиции, письма и обращения. 1979: 259–260.

66 Петиции, письма и обращения. 1973: 185–186.

67 Петиции, письма и обращения. 1974: 14.

68 Петиции, письма и обращения. 1979: 111.

69 Петиции, письма и обращения. 1973: 200

70 Петиции, письма и обращения. 1980: 464.

нуждаются в помощи, поскольку «лишены возможности воспитывать наших детей в традициях еврейской культуры», а «наших мужей и братьев» ожидают тюрьмы и ссылки⁷¹. Более сложно выстроена аргументация в обращении 38 еврейских женщин из Риги к Международному семинару ООН, посвященному участию женщин в экономической жизни. Определяя себя, прежде всего, как матерей, рижанки соединяют микро- и макроуровни и рождение и воспитание ребенка превращают в воспроизводство народа, возможно, имплицитно утверждая тем самым ключевую роль женщины в любом национализме:

...мы, еврейские матери, обращаемся к вам, женщинам-матерям, русским и англичанкам, американкам и голландкам, ко всем, кто рожал в муках, кормил и растил самое дорогое — свое дитя — Человека — свой народ.

Далее они задействуют память о трагедии Холокоста, акцентируя уничтожение именно детей и страдания матерей:

Мы говорим [...] и от имени миллионов матерей и детей, чей прах развеян по всей огромной Земле – от Испании до Волги, от берегов Балтийского моря до Красного [...] вспомните, что никого зло так больно не ранит, как матерей.

Наконец, третий тезис — это вклад, который еврейские матери пусть опосредованно, но внесли в мировую культуру, подарив ей множество выдающихся деятелей — исключительно мужчин:

Это еврейские матери родили Германии Эйнштейна и Маркса, Гейне и Фейхтвангера, России — Ландау и Свердлова, Антокольского и Левитана. Это они дали [...] всему миру сотни великих мужей и ученых⁷².

71 Петиции, письма и обращения. 1980: 465.

72 Петиции, письма и обращения. 1973: 339–341.

Содержание большинства подобных обращений, как коллективных, так и индивидуальных, можно обобщенно описать так. Они эксплуатируют тему страданий, выпавших на долю еврейского народа, его детей и матерей, в годы Второй мировой войны и подчеркивают значение еврейских женщин — давать миру великих мужчин. Переходя с общемирового уровня на локальный, они жалуются на антисемитизм, царящий в Советском Союзе и угрожающий, в частности, детям, сталкивающимся в детских учреждениях с «проявлениями ненависти к Израилю и еврейскому народу»⁷³. Сокрушаются, что их дети лишены отцов, если последние арестованы («Мы пишем от имени детей [...] со слезами на глазах зовущих своих отцов»⁷⁴), а они сами — поддержки в воспитании детей: «все, кому дороги семейный очаг, семья и дети»⁷⁵, поймут, «как тяжело жить и воспитывать детей без мужа»⁷⁶. Наконец, приверженность отказниц к идеологии национального возрождения выражается в жалобах на то, что их дети растут без знакомства с еврейской культурой, «без родины» — «как изгои»: «Наши дети не знают национальных героев своего народа, таких как Маккавеи, им негде прочесть о них»⁷⁷. На основании вышеизложенного в некоторых случаях отказницы декларируют готовность отпустить детей одних в Израиль, поскольку доверяют еврейскому государству воспитание своих детей⁷⁸.

В соответствии с этой же ролью — жен и матерей — отказницы режиссировали свои протестные акции,

73 Петиции, письма и обращения. 1974: 242.

74 Петиции, письма и обращения. 1974: 147–148.

75 Петиции, письма и обращения. 1980: 486.

76 Петиции, письма и обращения. 1980: 551.

77 Петиции, письма и обращения. 1974: 147–148.

78 Петиции, письма и обращения. 1974: 242.

приурочивая их к соответствующим датам: например, в 1980-х годах отказницы в Москве, Ленинграде, Черновцах, Вильнюсе, Таллине, Харькове несколько лет подряд устраивали трехдневную голодовку, приуроченную и к Международному женскому дню, и, вероятно, к посту Эстер накануне праздника Пурим, зачастую приходящегося тоже на начало марта (пост Эстер в иудаизме однодневный, но библейская героиня постилась трое суток). Другой релевантной датой было 1 июня — день защиты детей. 1 июня 1978 г. московские отказницы хотели провести акцию возле Библиотеки имени Ленина, но их посадили под домашний арест, и тогда они вышли с плакатами на балконы своих квартир. Некоторым из них разбили окна, в частности, Иде Нудель, и она заклеила его желтой звездой — «символом преследования меня как еврейки»⁷⁹.

Еще одним видом деятельности отказниц была переписка с иностранными активистками. Мужчины тоже, разумеется, писали письма иностранцам с конкретными просьбами и с благодарностями. Несмотря на изобилие источников по ЕНД сложно провести адекватное сравнение мужских писем и женских, но можно осторожно утверждать, что женские письма имели более частный характер, а мужские — более публичный и политический. Например, сохранились письма двух ленинградских отказниц — Ирины Леиной и Виктории Цимберовой — британской активистке Барбаре Дин⁸⁰. Отказницы писали, прежде всего, о семье — о муже и детях, позже и о внуках, об их здоровье, включая всякие медицинские подробности, уход за маленькими детьми, стресс в связи с обстоятельствами отказной жизни. Письма насыщены положительными эмоциями, вызванными успехами детей, общением

79 Петиции, письма и обращения. 1980: 520.

80 САНJP. ARS. Box 17. File 094.

с внуками, летним отдыхом и, конечно, письмами и поддерживающей адресата, которую неоднократно благодарят за внимание, сочувствие, помощь и дружбу. События, связанные с движением, тоже описывались, но не так часто и либо через призму повседневности, либо косвенно, как трансляция деятельности мужа. Например, Леина рассказывала в письме об их визите в американское и голландское посольства, но никакого политического содержания в этом рассказе нет — автор погружена в свои впечатления от других гостей и непривычного угощения (бананы и свежая клубника)⁸¹. В другом письме она сообщила, что они получили очередной отказ, и привела полностью письмо мужа, направленное по этому поводу М.С. Горбачеву и М. Тэтчер⁸²; можно предположить, что основную борьбу за выезд вел муж, жена же поддерживала зарубежные контакты, тем самым способствуя привлечению внимания западной публики и прессы.

Со временем переписка отказниц с иностранными активистками получает самостоятельное публичное измерение — в связи с появлением женских групп, составивших женское движение в рамках ЕНД. Во второй половине 1980-х гг. в женский активизм стало гораздо более самостоятельным и гораздо более заметным⁸³. Сыграло роль, вероятно, сочетание

81 Письмо от 21 апреля 1988 г.

82 Письмо от 6 апреля 1987 г.

83 Молодой активист Александр Шмуклер вспоминает: «...Наташкины [Натали Хасиной] оргвопросы ложились на меня. От поехать с кем-то встретиться забрать посылку до принести ей или отвезти что-то Бехман. Тут же печатались какие-то обращения от женщин и так далее. Тогда факсов еще не существовало. Наташа заклеивала конверт и просила отвезти Бехман, Дине Зиссерман или Лене Дубянской. То есть я как бы курсировал между всеми этими людьми и набирался от них от всех какого-то жизненного опыта» (Шмуклер. 2010). С точки зрения

нескольких факторов: репрессии против активистов несколько смягчились, соответственно, участие в акциях представлялось более безопасным и приемлемым для женщин разного возраста⁸⁴. Мужчины устали от многолетней борьбы, результаты которой, казалось, обнулились в связи с вводом войск в Афганистан и окончанием разрядки, сказавшимся на резком сокращении эмиграционной статистики. Роальд Зеличенко в письме 1984 г. отмечал, что новых членов в движении не появляется, и «это отражает ту глубокую апатию и безнадёжность, в которую погрузилось большинство. Таких, которые готовы пошевелить пальцем ради чего-то большего, чем заполнение посылочной квитанции на почте, немного. Я молю Бога, чтобы не начались самоубийства»⁸⁵. Александр Йоффе в интервью Юлию Кошаровскому подтверждает ощущение последнего, что царило «настроение некоторой безнадёжности»: «кто-то впал в пессимизм, кто-то испугался. Над мужчинами был занесен дамоклов меч, и женщины вышли вперед»⁸⁶. Перестройка повлекла рост общей гражданской активности — и женское участие в еврейском движении, постепенно легализовавшемся, становилось частью этой новой общественной жизни. Наконец, на оформление женского активизма в «движение» или «группы» могли влиять наличие и

гендерного распределения ролей этот кадр — негатив зарисовок из воспоминаний начала 1970-х.

84 В 1988 г. Инна Успенская сообщала в обращении к Nordisk Forum: «Женщины всегда принимали активное участие во всех акциях отказников, но в последние годы их участие стало еще более активным, поскольку стало менее опасно участвовать в массовых протестах, чем раньше» (САНП. ARS. Box 15. File 014-076).

85 САНП. ARS. Box 3B. 029-086.

86 Йоффе. 2004.

активность женских зарубежных организаций, занимающихся борьбой за советское еврейство⁸⁷.

Отдельные коллективные инициативы женщин отказа, обращенные к женщинам мира, имели место практически с начала движения, например, «обращение к женщинам мира» «Не удерживайте нас силой» (Don't keep us by force), составленное в феврале 1970 г. 11 отказницами преимущественно из Москвы⁸⁸, или уже упоминавшиеся письма жен фигурантов ленинградских процессов. Поскольку своей повесткой, равно как и формами деятельности, женское движение мало отличалось от мейнстримного ЕНД, определить момент его возникновения трудно. Его нередко ассоциируют с именем Юлии (Юдифь) Ратнер, возглавлявшей группу «Еврейские женщины за эмиграцию и выживание в отказе»⁸⁹, но об истоках движения единого мнения нет: «Прежде всего, женское движение началось не с Мары [Балашинской]. Женское движение началось в 77-м г. с Иры Гильденгорн», — заявляет Александр Иоффе в интервью Юлию Кошаровскому, но последний еще усложняет картину: «На самом деле у Иды [Нудель] была своя женская группа, человек шесть. А во второй группе была Ира

87 Прежде всего, группа «35» (Women's Campaign for Soviet Jewry), боровшаяся за Рейзу Палатник, Иду Нудель, семью Островских, семью Зеличенков и др. И вообще в борьбе за советское еврейство женщины были очень заметны. Инна Успенская в обращении 1988 г. отмечает: «Среди тех, кто принимает активное участие в поддержке борьбы отказников за право выезда на свою историческую Родину в Израиль, огромное число, можно даже сказать, подавляющее большинство — женщины». Тема участия женщин в борьбе Запада за советское еврейство нуждается в отдельном рассмотрении.

88 Тиной Бродецкой, Дорой Колядицкой, Любовью Бершадской и др. САНДР. Р426.

89 Например: «Она была очень активной, возглавляла женское движение» (Шмуkler. 2010).

Гильденгорн [...] Их было человек тридцать»⁹⁰. Шимон Янтовский в своей мемуарной книге «К истокам» утверждает, что «движение женщин-отказниц возникло [...] еще в 1974 г., и инициатором его была известная в те годы активистка Хана Ароновна Елинсон»⁹¹.

В 1980-е гг. действовали две группы: «Еврейские женщины против отказа», возглавляемая Инной Успенской, и «Еврейские женщины за эмиграцию (вариант: репатриацию)⁹² и выживание в отказе» (Юлия Ратнер, Нина Надгорная и др.). Швейцарская активистка Хана Берловиц, член Международного совета еврейских женщин (ICJW), после посещения Советского Союза в 1988 г. составила специальный отчет о женском движении (Special report on JEWAR and JWESIR). Анализируя различия между двумя группами, она пришла к выводу, что первая малочисленнее, поскольку принимает лишь отказниц, собирающихся ехать в Израиль, вторая же принимает всех, включая едущих в США и даже «подавантов» (waitniks), еще не получивших отказ. Хотя прямо ей этого, очевидно, никто не говорил, Берловиц предполагала личный конфликт между лидерами двух групп, но утверждала, что обе занимаются одним и тем же, сотрудничая в организации голодовок, забастовок, пресс-конференций⁹³. Кроме того, женские группы составляли списки семей, получивших отказ, передавали их контакты на Запад для так называемого «усыновления» (adoption), то есть всесторонней поддержки той или иной организацией одной отказнической семьи в ее

90 Йоффе. 2004.

91 Янтовский. 1997: 289.

92 Эта альтернатива была острой дискуссионной темой, связанной с катастрофическим, с сионистской точки зрения, ростом еврейской эмиграции в страны Запада — вместо Израиля.

93 САНПР. ICJW/91.

борьбе за выезд; вели кампании в защиту узников Сиона; проводили лекции и семинары.

Представление о повестке женского движения можно составить на основании публикаций в самиздате, обращений его активисток к западным организациям и переписки с членами ICJW. В статьях и интервью активисток и отчетах о деятельности женских групп, опубликованных в самиздатских изданиях конца 1980-х гг., преобладает семейная и благотворительная повестка: женщины как ответственные за семью, детей и дом обсуждали преимущественно психологические трудности детей в советской школе и еврейское воспитание детей дома⁹⁴, взаимопомощь в тяжелой отказной жизни («*выживание* в отказе»), медицинскую и иную помощь одиноким пожилым людям⁹⁵. В хронике и отчетах упоминались некоторые мероприятия женских групп (митинги, лекции, встречи, спектакли, семинары про современный Израиль и российское еврейство)⁹⁶, но их программа не освещалась, и отличие женских лекций по еврейской культуре от общих неочевидно. Помимо сосредоточенности на детях и семье особенность женского движения в упоре на практике, а не на выдвижении идей или разработке теорий; так, в отзыве о юридическом отказном семинаре Юлия Ратнер укоряет «некоторых мужчин», «грешащих теоретизированием в ущерб практическим задачам»⁹⁷, решением которых, можно предположить, преимущественно и занимались сами активистки. В манифесте (?) группы «Еврейские женщины против отказа» так и говорится:

94 Гореликова, Балашинская. 1988: 46–50 (САНJP. ARS. 037-008).

95 Резникова. 1988 (САНJP. ARS. 037-001).

96 САНJP. ARS. File 037-008; 037-001; 014-076.

97 Гехт. 1988: 54.

У нас нет формальной программы. Мы анализируем события и намечаем конкретные задачи для конкретных ситуаций⁹⁸.

Согласно тому же манифесту, налаживание и поддержание контактов с женскими гуманитарными организациями в Союзе, а главное — за рубежом было важной составляющей их деятельности. Сохранившаяся документация Международного совета еврейских женщин свидетельствует о том, что советские активистки переписывались с его руководством и принимали его делегатов у себя, и те писали отчеты об этих встречах. К примеру, канадская активистка Дороти Рейтман в письме президенту ICJW Стелле Розен от 15 сентября 1987 г. рассказывает о своей поездке в Советский Союз и общении с Еленой Дубянской, членом JEWAR. Та излагала программу деятельности группы и говорила о желательности укрепления связей между «феминистками обеих стран», которые бы состояли не только в переписке, но и в финансовой помощи (чтобы уехавшим за границы выдавали деньги, оставленные ими в Союзе), и подробно перечисляла, какие товары им нужны (одежда — женская, детская и мужская, магнитофоны, фотоаппараты), из чего Рейтман сделала вывод, что «у них, должно быть, есть доступ к каким-то [черным] рынкам»⁹⁹. Непонятно, принадлежит ли слово «феминистки» самой Дубянской или же его использует Рейтман, но феминистского содержания ни в деятельности JEWAR, ни в планах ее сотрудничества с Западом, конечно, не обнаруживается: мы встречаем традиционные для еврейского движения темы и формы взаимодействия: семинары об Израиле и евреях СССР (единственная «феминистская» тема — «Роль еврейских женщин в семье»), помощь в вывозе денежных средств, вещевые посылки.

98 САНПР. ICJW/91.

99 САНПР. ICJW/94.

Летом 1987 г. Совет принял группу JEWAR в число своих ассоциированных членов, зарубежные активистки переписывались с отказницами, посылали им поздравительные открытки на дни рождения и праздники, и практиковали «усыновление», петиционной кампанией помогая конкретной семье добиться выезда. Так, например, один из ассоциированных членов ICJW Федерация еврейских дам Баранкильи (Колумбия) «усыновила» активистку Галину Генину и ее семью. Колумбийки Сесилия Манотас, Суси Шмультсон и Пупи Фельдсберг писали петиции, в том числе президенту Колумбии, с просьбой помочь выехать семье Гениных, и письма поддержки самой Галине, в которых сообщали, что мир полон эгоизма, однако у них в Колумбии еще жива дружба, нежность и другие человеческие чувства; они не знают, чем могут ей помочь, но просят ее думать о них как о своих новых друзьях и новой семье. Помимо характерной, возможно, не столько для женского активизма, сколько для испаноязычной культуры риторики чувств, стоит отметить, что колумбийки, как и советские активистки, описывали себя прежде всего в семейном контексте: представляясь своим корреспонденткам, они указывали свое семейное положение (замужем, вдова) и количество детей, но не говорили о профессиональной или, например, еврейской общественной деятельности¹⁰⁰.

Если попытаться фантазировать, что женское движение в отказе могло бы делать, следует учитывать, что бороться за равенство возможностей в советском законодательстве и действительности для них было бы нелогично, ибо эту действительность они стремились покинуть как можно скорее, а в израильской — еще рано; оставалась семья, само отказное сообщество и еврейская традиция как пространства, статус

100 САНДР. ICJW/91.

женщин в которых можно было бы отстаивать. Но у женских групп даже во второй половине 1980-х гг., очевидно, не было для этого ни желания, ни идеологического инструментария, и вступали в него не для этого. Мара Балашинская в частном письме рассказывает, что после долго отказа вступила в «женское движение» (кавычки, возможно, показывают отношение автора к явлению) в целях повышения эффективности борьбы, но была разочарована:

...чтобы ты поверил, что мы еще хотим ехать, могу сказать, что я тоже решила попасть на “высокий” прием и примкнула к “женскому движению”. Мы долго и нудно ходили по организациям, написали миллион писем и телеграмм с просьбами, протестами и требованиями. В конце концов, с большим трудом удалось выяснить, что наши писания до адресата вообще не доходили. [...] После этого нас опять не приняли¹⁰¹.

Юлия Ратнер, одна из признанных лидеров женского движения, в мемуарном очерке упоминает, что по получении звонка из ОВИРа туда отправились ее муж и сыновья — «как бы три главы нашей семьи»¹⁰²; можно увидеть в этом свидетельство вполне органического отсутствия у Ратнер феминистского настроения. Московская активистка Инна Брохина¹⁰³ в интервью, взятом у нее после обыска в 1984 г., сразу выразила и неприязнь к женскому активизму, и уверенность в семейном предназначении женщины, и представление о патрилинейности еврейской традиции:

101 **САНП. ARS.** Box 20. File 095-007.

102 **Ратнер.** 2006: 30.

103 Не числившаяся в списках женских групп, но считавшаяся сама главой небольшой группы: «похоже, она — центральная фигура среди молодых московских отказников», — писала о ней швейцарка Сиси Меркл в своем отчете о поездке в СССР, 8–17 июня 1984 г. (**САНП. ARS.** Box 3G. File 029-235).

Мне никогда не нравились женщины, занимающиеся политикой, я всегда считала, что женщина должна создавать уют и растить детей [...] и быть спокойной, что никто не будет их ругать словом “еврей”. Я хочу знать, что они гордятся своей историей и своим дедом Соломоном, а не Семеном Михайловичем, и своим дедом Хаимом Гершевичем, а не Ефимом Григорьевичем. Я хочу, чтобы у моих детей были еврейские имена и чтобы по субботам в моем доме зажигались свечи, так же, как это было в доме у моего деда¹⁰⁴.

Женское движение было движением без феминистской повестки — более того, оно было по сути антифеминистским, поскольку закрепляло женщину на ее традиционном в патриархальной культуре месте у домашнего очага, в приватной и семейной сфере, к роли жены и матери, считая это положение вещей само собой разумеющимся: «...естественно, что забота о здоровье членов семьи лежит целиком на женщинах»; «никто не будет оспаривать тот факт, что вообще для людей, а для женщин особенно, основное в жизни — это дети»; «на нас, женщин, легла высшая миссия сохранить еврейский дом...»¹⁰⁵.

«Автобус набился бородачами»: вопрос заметности

Молодой активист из Одессы Мирон (Марик) Хазин в середине 70-х приехал в Москву и попал в круг отказника Владимира Слепака. Эту компанию, да и вообще московских отказников он описывает как «одних бородачей». Несвойственная средстатистическому советскому мужчине нарочитая бородатость, по-видимому, впечатлила провинциального юношу. В квартире у Слепака «сидели все бородастые мужики и писали письма протеста». На подступах к какой-то демонстрации Хазина задержали и повели в автобус: «В автобусе сидело уже человек 10 бородастых. [...] В течение 5–10 минут

104 САНП. ARS. Box 3B. 029-026. P. 5.

105 Это заявляли активистки в своих обращениях 1987–1988 гг.: САНП. ARS. Box 15. File 014-071; Гореликова, Балашинская. 1988: 50.

автобус набился бородачами». Когда же всех привезли в отделение, выяснилось, что их было «19 мужчин и 8 женщин»¹⁰⁶.

Если принять это за случайную выборку, можно заключить, что женщины были весьма активны в акционизме, раз составили почти треть задержанных, но примечательно, что коллектив, на треть состоявший из женщин, воспринимался как коллектив «бородачей». Это подводит нас к вопросу о женской заметности в движении и в памяти о нем.

Как мы видели, активизм женщин в движении в значительной мере состоял в борьбе за мужей. Неудивительно, что и в синхронных их деятельности, и в позднейших источниках о движении женщины оказываются в тени мужей, фигур более известных и — вместе с женами — заботящихся о поддержании своей известности, и фигурируют зачастую как «жена имярека». Например, письмо Инессы Рубиной-Аксельрод Л.И. Брежневу, подписанное «И.М. Аксельрод», при публикации в израильской русскоязычной газете «Наша страна» получает заголовок «Жена Рубина обращается к Брежневу»¹⁰⁷. Из целого ряда примеров андроцентричного именования приведем для контраста гораздо более поздний. В Информационном бюллетене Союза преподавателей иврита в СССР «Иггуд хамморим» за 1989 г. в списке активистов супруги обозначаются по следующей схеме: имя мужа, имя жены в скобках, фамилия в мужском роде: «Игорь (& Оля) Черный», «Лев (& Галя) Фридлендер» и др. (для сравнения в параллельном английском списке скобки отсутствуют)¹⁰⁸.

В памяти об отказе и еврейском движении, в разных группах источников, женщины представлены пирамидально.

106 САНП. Р426. Хазин: 54, 57.

107 Аксельрод. 1975.

108 САНП. ARS. Box 14A. File 037-016.

На фотографиях — портретах семей, снимках пикников за городом, еврейских праздников у синагоги, пуримшпилей, протестных акций — число женщин не уступает числу мужчин. Много их и среди авторов писем — и частных, и открытых. А среди авторов письменных и устных воспоминаний представленность женщин резко снижается: из трех десятков интервью, взятых Юлием Кошаровским для его масштабного проекта увековечивания еврейского движения («Мы снова евреи»), лишь одно — с женщиной (Леей Словиной); примечательно, что о женском движении Кошаровский разговаривает — довольно коротко — с Александром Иоффе, не считает нужным специально проинтервьюировать кого-либо из его участниц. На сайте ассоциации «Запомним и сохраним» из воспоминаний и коротких мемуарных очерков пятая часть принадлежит перу женщин, из интервью — одну седьмую составляют интервью с женщинами и одну пятую — интервью с семейными парами. Борьбе отказников за выезд было посвящено немало публикаций в израильской прессе и в те годы, когда движение существовало и нуждалось в публичности, и после открытия границы, в 1990-е гг., и абсолютное большинство всех этих материалов — и полосных интервью, и автобиографических очерков, и отзывов друзей, проиллюстрированных крупными, на разворот, портретными фотографиями, — живописуют героические биографии узников Сиона и других активистов — мужчин. В списки ведущих деятелей ЕНД, в том числе составленные самими деятелями ЕНД, из женщин попадает, как правило, только Ида Нудель¹⁰⁹, за

109 Например: «...многие отдали алии в сущности всё — около двадцати “самых главных” лет. Список их велик, он не высечен ни на одной бронзовой доске, но он войдет в историю нашего народа [...]: Кузнецов, Дымшиц, Менделевич, Щаранской, Слепак, Браиловский, Нудель,

отсутствием супруга не оказавшаяся в его тени. Все остальные отказницы, самоотверженно боровшиеся за своих мужей, за выезд своей семьи, редко удостоиваются чести быть упомянутыми отдельно. Персональные архивы отказников — архивы мужчин; документы жен, тоже занимавшихся еврейской деятельностью, по меньшей мере, писавших письма в защиту мужа, как правило, попадают в фонд супруга.

Многие отказники-активисты написали мемуары о своей жизни в отказе и борьбе за выезд (М. Азбель, И. Бегун, А. Лернер, Э. Левин, Г. Бутман, Н. Щаранский и др.); реже, но писали мемуары и отказницы (И. Рубина, Н. Воронель, И. Нудель). Некоторые же активистки — в отличие от активистов — считали нужным не столько запечатлеть собственный опыт отказа, борьбы и эмиграции, сколько сохранить полифоническую память, собрав воспоминания, рассказы, реплики разных людей («Алия 70-х» Л. Дымерской-Цигельман и Л. Уманской, «От прошлого к настоящему» и «Дети советского отказа» Э. Матлиной, «Отказ и отказники» М. Гимельштейн). В отличие от первых трех сборников книга Маргариты Гимельштейн, насколько мне известно, не издавалась типографским способом, но только в самиздате и сохранилась в нескольких машинописных экземплярах; показательный, возможно, казус: на папке с этой машинописью в архиве ассоциации «Запомним и сохраним» имя автора искажено на «Гольдштейн». Имя женщины — летописца отказа в отличие от имен его «героев» оказывается недостойным памяти.

Все эти скобки, переименования, умолчания и искажения складываются в картину маргинализации женских фигур и женского движения при коммеморации ЕНД. Женские имена

Лернер, Диамант, Левич, Воронель, Бегун, Фейн, Овсицер и многие, многие другие» (Азбель. 1991).

«вымываются» из истории движения отчасти по причине естественной «вершинности» этой истории (со временем в ней остаются лишь самые известные имена, например, «узников Сиона» и подзащитных самых крупных кампаний в защиту) и ее обусловленности современными обстоятельствами (лучше сохраняют известность те бывшие отказники, которые стали заниматься израильской политикой), отчасти же вследствие той совокупности представлений, которую мы попытались обрисовать выше.

* * * * *

Гендерные представления и гендерные отношения в отказной среде и еврейском движении не были уникальны и не отличались разительно от гендерной ситуации в окружающем советском обществе, прежде всего, в советских еврейских интеллигентских семьях, откуда отказники вышли.

В советском обществе послевоенных десятилетий, периода оттепели и застоя, исследователи наблюдают кризис маскулинности, который в определенный момент стал осознаваться и проговариваться современниками и современницами, призванными эту маскулинность спасти и поддерживать.

Послевоенная ситуация и выбранные государством способы ее решения предопределили ряд проблем на последующие годы и декады. Женщин, заметно повысивших за время войны свой профессиональный и партийный статус, повсеместно снимали с их должностей, освобождая места возвратившимся фронтовикам, и путем пропаганды старались вернуть их с пути «труда и обороны» к традиционной домашней и семейной роли¹¹⁰. В то же время дефицит мужчин брачного возраста вкупе с государственной политикой поощрения

¹¹⁰ Fuerst. 2010: 272.

множественных союзов в репродуктивных целях (в частности, путем освобождения мужчин от алиментов) привели к безответственному поведению мужчин и чрезвычайной желанности брака именно для женщин¹¹¹ — ситуации, которая сохранится и позже, в 1960–70-е гг.¹¹² Про некоторых наших героинь можно предположить, что они дорожили своим браком более супругов; к примеру, Нина Воронель, оставив маленького ребенка на попечении бабушки в Харькове, пребывала в Москве с мужем, «мотаясь по чужим домам» и страдая от ужасных жилищных условий, но всем твердила «с любимыми не расставайтесь»¹¹³. Возможно, этот дисбаланс отчасти объясняет гендерный дисбаланс в еврейском движении, добровольную редукцию женской роли к роли «верных подруг».

В то же время мужчины послевоенного поколения, не имевшие фронтового прошлого и соответствующего героического ореола, страдали от неуверенности, одним из путей спасения от которой стало создание мужских коллективов — от партийной номенклатуры, откуда в послевоенные годы вытеснили женщин, до стилиг¹¹⁴. Еврейское движение (как и, например, демократическое) статистически не было мужским коллективом, но, как было показано выше, в каких-то аспектах выглядело и мыслило себя таковым.

Несостоятельность по сравнению с прежними поколениями, на фоне гегемонной советской маскулинности защитника родины и трудового героя строек коммунизма, которую позднесоветским мужчинам внушали, но которой они не

111 Fuerst. 2010: 281-283.

112 Fuerst. 2010: 290.

113 Воронель. 2006: 47.

114 Fuerst. 2010: 279.

могли соответствовать¹¹⁵, усугублялась отсутствием новых идеалов. Уже с конца 1950-х гг. отдельные критики и чиновники осуждали советские фильмы за отсутствие харизматичных героев, способных стать ролевыми моделями для советских мужчин¹¹⁶. Дискурсивным фактом кризис маскулинности стал ближе к концу 1960-х, когда режиссеров регулярно обвиняли в «дегероизации» советского мужчины под влиянием «разлагающих» западных веяний¹¹⁷, а вслед за статьей демографа Бориса Урланиса «Берегите мужчин» в «Литературной газете»¹¹⁸ обсуждение кризиса маскулинности стало устоявшейся темой позднесоветского либерального дискурса в 1970–1980-х гг.¹¹⁹ Помимо проблемы безыдейности и неприкаянности советского мужчины, отчасти воспроизводящего тип «лишнего человека», широко представленный в русской литературе XIX века от Онегина и Печорина до Рудина и Обломова, страдающего от отсутствия целей и смыслов, не находящего себе места в современной действительности и стимула «встать с дивана», речь шла о демографических и биологических факторах, в частности, о меньшей продолжительности жизни и большей склонности к саморазрушению, включая алкоголизм и суицид. Звучали настойчивые призывы как к государству (например, Урланис призвал создать «мужские консультации»), так и к женщинам — оказывать мужчинам повышенную заботу. Это представление о том, что мужчины более хрупкие и женщины должны их беречь, прослеживается и в нарративах еврейского движения, в том

115 Здравомыслова, Темкина. 2002: 441–443.

116 Dumancic: 2021: 18.

117 Dumancic. 2021: 218.

118 Урланис. 1968.

119 Здравомыслова, Темкина. 2002: 434–435.

числе в цитируемых выше сетованиях на стресс, плохо сказывающийся на здоровье отказников, о котором полагается печься женщинам. Женщины жертвуют собой, спасая мужей — как будто сильных, но на самом деле — хотя это выражается только недомолвкой — более слабых:

Пять лет в отказе, десять. [...] Они [женщины] теряли квалификацию, они отказывались от планов [...] во многом отказывали себе, чтобы не развалились мужья (героические, выносливые, самые лучшие в мире, но... мужчины)¹²⁰.

Отдельно следует отметить традиционную ненормативность, хотя бы отчасти воспринимаемую как ущербность, еврейской маскулинности (которую в чем-то можно экстраполировать на интеллигентскую) — логоцентричной маскулинности мальчиков со скрипачкой, шахматами или задачником, не умевших боксировать или играть в футбол, пить или силой пресекать антисемитские нападки. Этот условный портрет никоим образом не применим ко всем нашим персонажам, однако «негероическая» маскулинность, описанная в разных еврейских культурах¹²¹, не могла не быть присуща и многим отказникам, и настойчивость их нарративов о риторических победах над представителями власти или успешной защите своего достоинства в школе, дворе или армии очевидно призвана была компенсировать изначальную недостачу.

Если на общенациональном, или государственном, уровне, несмотря на усилия брежневских культтуртрегеров, пытавшихся вновь внедрить сталинистскую патриархальную и патриотичную мужественность, кризис маскулинности 60-х так и не был преодолен, будучи неотъемлемым компонентом

120 Аграчева. 1997.

121 См., прежде всего, Boyarin. 1997.

самой послевоенной модерности¹²², то на частном уровне кризис маскулинности разрешался и раньше, и сообщество отказников, самоотверженных борцов с режимом, опытных конспираторов и остроумных насмешников над нерасторопными представителями органов госбезопасности, героев в глазах Запада, верных сынов своего народа и ответственных отцов семейств, стремившихся вывести свое потомство из-под власти «красного фараона», предлагало одно из таких решений. Отказники обрели то, чего были лишены как русские, так и советские «лишние люди»: дело в жизни, которое было бы «жизненной необходимостью, сердечной святыней, религией»¹²³. И до какой-то степени им удалось соответствовать тем маскулинностям, на которых они воспитывались (не школой и армией, а книгами и кино): декабристов, «пламенных революционеров».

В ориентации на тех, за кем последовали в ссылку «настоящие женщины», отказническая маскулинность не была уникальной, совпадая с идеалами диссидентов и, шире, позднесоветских либералов:

...в либеральном позднесоветском дискурсе следование за мужем наделялось смыслом героического добровольного выбора со стороны жен, которые должны разделить судьбу мужа-декабриста-диссидента.

Недостижимый идеал настоящего мужчины — декабриста, противостоящего деспотизму и тирании, равно как и его хабитус, сочетающий уверенность в себе, любезность, куртуазность, дебош, был мечтой советской интеллигенции и пропагандировался

122 Как полагает исследователь советской маскулинности в кинематографе 1960-х гг. Марко Думанчич, систематически отреагировал на воззвание Урланиса только В. Путин, пропагандируя, в том числе собственным примером, новую российскую маскулинность — мачистскую, подразумевающую трезвость и здоровье, и неразрывно связывая судьбу мужчин с судьбой нации (Dumancic. 2021: 258-259, 253, 15-16).

123 [Добролюбов]. 1859.

лучшими образцами советского творчества. [...] Интериоризованный либералами этос декабриста предполагает, что: “не покупается честное имя, талант и любовь” (Окуджава)¹²⁴.

Восстановлению маскулинности, прежде всего, было посвящено и творчество бардов-походников («Вот это для мужчин — рюкзак и ледоруб»). Исследователи бардовской субкультуры определяют ее как третью: «они вырабатывают свою символику и ритуалы, в конечном счете свою идеологию, не оппозиционную государственной, но и не совпадающую с ней»¹²⁵. К подобной третьей категории Алексей Юрчак относит разнообразные «публики своих»¹²⁶ — альтернативные и контркультурные среды 1960–1980-х гг., к которым можно причислить и отказную среду¹²⁷. Эти «публики» оказывались сферами реализации «доступных практик истинной мужественности», в том числе мужской дружбы, туризма, сексуальных приключений¹²⁸. О последних источники по ЕНД, представляющемуся движением преимущественно семейным, ничего не сообщают, а первые действительно культивировались отказниками¹²⁹; но в заключение вернемся к «верным подругам».

124 **Здравомыслова, Темкина.** 2002: 449.

125 **Чернова.** 2002: 465.

126 **Юрчак.** 2014: 248–310.

127 Ее часть — политическое крыло активистов — была отчетливо оппозиционна, но большинство, включая так называемых «культурников» и более многочисленных участников тех или иных мероприятий, не являвшихся собственно активистами, можно отнести к этой «третьей» категории.

128 **Здравомыслова, Темкина.** 2002: 449.

129 К примеру, титанические усилия Юлия Китаевича по вызволению Игоря Губермана из советской тюрьмы и из Советского Союза осмысляются как поведение, совершенно естественное для «мужской дружбы»: **Китаевич.** 1981: 18. О туристических практиках отказников см.: **Зеленина.** 2019: 224–226.

Есть свидетельства того, что и диссидентское сообщество, в соответствии с романтическим идеалом жен декабристов, видело в женщинах прежде всего жен и помощниц. Если мужчины разрабатывали идеологию и стратегию борьбы, руководили акциями, писали тексты, то женщины, зачастую пришедшие в движение из солидарности — с друзьями, но прежде всего — с мужьями, с готовностью выполняли «рутинную, практическую работу по поддержанию инфраструктуры движения», оказывали помощь политзаключенным, перепечатывали самиздат, держали «открытые дома»¹³⁰. Когда на позднем этапе истории движения стала формироваться особая женская повестка, лидеры движения — или, например, редакторы контркультурных самиздатских журналов — не были готовы уважительно к ней относиться¹³¹. Примечательно, что феминистки предпочли выйти из демократического движения ради отстаивания собственной повестки точно так же, как в свое время некоторые евреи. Это сходство отметила Энн Комароми:

Как еврей, он [Александр Воронель] чувствовал, что его особые интересы, связанные с его положением еврея, в демократическом движении оставались на обочине. Феминистки аналогичным

130 Подробнее о сценариях вовлечения женщин (в том числе «декабристском») и разделении ролей между мужчинами и женщинами в диссидентском движении с конца 1950-х по начало 1980-х см.: Чуйкина. 1996: 61–81.

131 «...с 1975 года я участвовала в журнале “37”. [...] Но вот работа там меня убедила, что они просто не хотят, именно мужская часть редакции не хочет, брать в журнал никаких острых социальных проблем. Там были философские абстрактные темы холодные, они не задевали никакой реальности. Там меня тоже не хотели печатать, потому что это был живой материал, относящийся к “низкой жизни”, а нужен был высокий дух» (Чуйкина. 1996). Цитата из интервью автора с Н.М., 1947 г.р., — очевидно, Натальей Малаховской, одной из основательниц журнала «Женщина и Россия».

образом жаловались, что диссиденты демократического толка опошляют их тревоги и заботы, пренебрегая ими и считая женскую повестку «дурновкусием», — точно так же, как делало советское общество в целом¹³².

Параллелизм этих двух маргинализаций — пренебрежения в диссидентском движении и еврейскими, и женскими интересами, — как это бывает в подобных интерсекциональных ситуациях, никого ничему не научил и никаких результатов (например, изменения роли женщин в ЕНД) не дал. Как мы видели, женское движение в рамках еврейского со временем возникло, но оно не было феминистским, не ратовало за гендерное равенство в семьях, движении или иудаизме и вообще не выдвигало никаких новых требований, отличных от программы движения в целом. Очевидно, запроса на феминистскую повестку не было, как нет и постфактум сожалений, претензий или критики со стороны бывших отказниц. Впрочем, это обычная роль феминистской историографии: обнажать проблематичные закономерности, незаметные участникам и даже участницам событий.

132 Komaromi. 2012: 282 п. 29. Со ссылкой на то, как Юлия Вознесенская описывает реакцию диссидентов на феминистский альманах «Женщина и Россия» (Voznessenskaia. 1981: 38).

Список источников и литературы

Источники

- Аграчева.** 1997 — Аграчева И. «Мы, еврейские женщины...» // Вести-2. 28 августа 1997 г. (републикация) Soviet Jews Exodus: http://www.soviet-jews-exodus.com/Interview_s/InterviewJewish-Women.shtml (22.10.2022)
- Азбель.** 1991 — Азбель М. О жизни, о науке, о себе // Наша страна. 8.11.1991
- Аксельрод.** 1975 — Аксельрод И.М. Жена Рубина обращается к Брежневу // Наша страна. 19 октября 1975 г.
- Арон.** 1978 — Семья Арон // Алия 70-х... / Под ред. Л. Дымерской-Цигельман и Л. Уманской. Иерусалим: Став, 1978. С. 95–104.
- Архив Ваада.** Ф. 1. Д. 2 — Архив Ваада (Москва). Ф. 1: Еврейское независимое движение. Д. 2: Иосиф Бегун.
- Архив Ваада.** Ф. 1. Д.: Магарик — Архив Ваада (Москва). Фонд 1: Еврейское независимое движение. Д.: Алексей Магарик.
- Бегун.** 2019 — Бегун И. Скрепляя связь времен... Из воспоминаний активиста еврейского движения в СССР (1960–1980-е годы). М.: Книжники, 2019.
- Бейзер.** 2008 — Бейзер М. История одной демонстрации, Или о том, как я женился. Апрель-май 2008. Soviet Jews Exodus: http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/MemoryBeizer.shtml (22.10.2022)
- Векслер.** 1978 — Семья Векслеров // Алия 70-х... / Под ред. Л. Дымерской-Цигельман и Л. Уманской. Иерусалим: Став, 1978. С. 114–123.
- Воронель.** 2003 — Воронель Н. Без прикрас: Воспоминания. М.: Захаров, 2003.
- Воронель.** 2006 — Воронель Н. Содом тех лет. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
- ГА СБУ.** Ф. 16. Оп. 3. Д. 2, том II — Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2, том II: Дело с докладными записками, спецсообщениями и информсообщениями (Возврат из ЦК КПУ).
- Гехт.** 1988 — Интервью с Фридой Гехт // Проблемы отказа в выезде из страны. 1988. № 2. С. 54 (Самиздат). The Central Archives for the

History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association "Remember and Save". File 037-008.

Гимельштейн. 1987 — Гимельштейн М. Отказ и отказники. Ленинград, 80-е годы. Ленинград, 1987 (Самиздат). The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association "Remember and Save". Box 14b.

Гореликова, Балашинская. 1988 — Гореликова В., Балашинская М. Психологические и социальные проблемы отказа // Проблемы отказа в выезде из страны. 1988. № 2. С. 46-50 (Самиздат). The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association "Remember and Save". File 037-008.

Горин. 2015 — Борух Горин: «Российская еврейская община самая крутая в мире» // Зеленина Г.С. Иудаика два: Ренессанс в лицах. М.: Сэфер; Книжники, 2015. С. 419-460.

Грушко. 1978 — Бенъямин Грушко // Алия 70-х... / Под ред. Л. Дымерской-Цигельман и Л. Уманской. Иерусалим: Став, 1978. С. 64-70.

[Добролюбов]. 1859 — Н-бов [Добролюбов Н.А]. Что такое обломовщина? («Обломов», роман И. А. Гончарова) // Отечественные записки. 1859. № I-IV) // Современник. 1859. № V. Отд. III. С. 59-98.

Йоффе. 2004 — Интервью Юлия Кошаровского с Александром Йоффе. 2004. Yuli Kosharovsky: <http://kosharovsky.com/интервью/александр-йоффе> (22.10.2022).

Китаевич. 1981 — Обыкновенная мужская дружба // Новый американец. № 74. 12-18 июля 1981 г.

Коган. 2011 — Коган И. Горит и не сгорает... М.-Киев[: Феникс], 2011.

Кричевские. 1978 — Семья Кричевских // Алия 70-х... / Под ред. Л. Дымерской-Цигельман и Л. Уманской. Иерусалим: Став, 1978. С. 161-179.

Куповецкий. 2015 — Марк Куповецкий: «Я как был романтиком, так и остался» // Зеленина Г.С. Иудаика два: Ренессанс в лицах. М.: Сэфер; Книжники, 2015. С. 183-220.

Петиции, письма и обращения. 1973 — Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1968-1970 / Под ред. Ш. Редлиха. Иерусалим: Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточноевропейского еврейства, 1973.

Петиции, письма и обращения. 1974 — Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1971 / Под ред. А. Бен-Арье. Иерусалим:

Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточноевропейского еврейства, 1974.

Петиции, письма и обращения. 1977 — Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1973. Т. VII / Под ред. Я. Ингермана. Иерусалим: Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточноевропейского еврейства, 1977.

Петиции, письма и обращения. 1979 — Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1975. Т. IX / Подг. к печати Я. Ингермана. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточноевропейского еврейства, 1979.

Петиции, письма и обращения. 1980 — Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1976-77-78 / Подг. к печ. Я. Ингермана. Иерусалим: Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточноевропейского еврейства, 1980.

Ратнер. 2006 — Ратнер Ю. Долгий и тернистый путь домой // Из прошлого к настоящему. Россия – Израиль. Т. 2 / Под ред. Э. Матлиной. Иерусалим: Маханаим, 2006. С. 11–39.

Резникова. 1988 — Группу «Еврейские женщины за эмиграцию и выживание в отказе» представляет С. Резникова // Информационный бюллетень по вопросам репатриации и еврейской культуры. № 21. 1988. (Самиздат). The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. File 037-001.

Рубин. 1985 — Рубин А.И. Статьи о русских поэтах. Из философского дневника. Иерусалим, 1985.

Рубин. 1988(1) — Рубин В. Дневники. Письма. В двух книгах. Кн. 1. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988.

Рубин. 1988(2) — Рубин В. Дневники. Письма. В двух книгах. Кн. 2. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988.

Рубин. 1988(а) — Рубин А.И. Философский дневник. Кант и Маркс. Иерусалим: Кахоль-Лаван, 1988.

Словина. 2005 — Интервью Юлия Кошаровского с Леей Словиной. 2005. Yuli Kosharovsky: <http://kosharovsky.com/интервью/лея-словина/> (22.10.2022)

Тронин. 1987(1) — Тронин И. Некоронованные короли «отказа» (Начало) // Советская Молдавия. № 94 (16152). 19 апреля 1987 г.

- Тронин.** 1987(2) — Тронин И. Некоронованные короли «отказа» (Продолжение) // Советская Молдавия. № 95 (16153). 21 апреля 1987 г.
- Урланис.** 1968 — Урланис Б. Берегите мужчин // Литературная газета. 24 июля 1968 г.
- Цинобер.** 2004 — Интервью с Аркадием Цинобером. 2004. Soviet Jews Exodus: http://www.soviet-jews-exodus.com/Interview_s/InterviewTsinober.shtml (22.10.2022)
- Чернобыльская.** 2011 — Чернобыльская Г. Отказное детство // Дети советского отказа / Сост. Э. Матлина. Иерусалим: Маханаим, 2011. С. 138–169.
- Шехтер.** 2021 — Шехтер Д. Памяти Иды // Лехаим. 15 сентября 2021. Лехаим: <https://lechaim.ru/events/pamyati-idi/> (22.10.2022)
- Шмуклер.** 2010 — Интервью Юлия Кошаровского с Александром Шмуклером. 5.01.2010. Yuli Kosharovsky: <http://kosharovsky.com/интервью/алексанр-шмуклер> (22.10.2022).
- Янтовский.** 1997 — Янтовский Ш. К истокам (Из пережитого). Иерусалим: Маханаим, 1997.
- Archiv der FSO.** F. 01-073 — Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. F. 30.45. Vitalii Rubin.
- Archiv der FSO.** F. 30.45. Box 4/4. — Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. F. 30.45. Ernst Lewin. Box 4/4.
- САНJP.** ARS. Box 14A. File 037-016 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 14A. File 037-016.
- САНJP.** ARS. Box 15. File 014-076 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 15. File 014-076.
- САНJP.** ARS. Box 17. File 094 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 17. File 094: Barbra Dean.
- САНJP.** ARS. Box 20. File 095-007 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 20. File 095-007.
- САНJP.** ARS. Box 3A — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 3A.

- САНЖР.** ARS. Box 3B. File 029-085 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 3B. File 029-085. Лев Утевский
- САНЖР.** ARS. Box 3B. File 029-088 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 3B. File 029-088. Лев Утевский
- САНЖР.** ARS. Box 3B. File 029-089 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 3B. 029-089. Лев Утевский
- САНЖР.** ARS. Box 3G. File 029-235 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund of the Association “Remember and Save”. Box 3G. File 029-235.
- САНЖР.** ICJW/91 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund: International Council for Jewish Women.
- САНЖР.** ICJW/94 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). Fund: International Council for Jewish Women.
- САНЖР.** P426 — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). P426: Исай Авербух: Интервью.
- САНЖР.** P426. Хазин — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem). P426: Исай Авербух: Интервью. Интервью Исая Авербуха с Мироном (Мариком) Хазиным. 1 сентября 1977.
- Voznessenskaia.** 1981 — Voznessenskaia Y. Le mouvement féministe dans notre pays // Maria: Journal du Club féministe “Maria” de Lénin-grad. Paris: des femmes, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайль, Генис.** 2001 — Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. Изд. 3-е. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Здравомыслова, Темкина.** 2002 — Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Кризис маскулинности» в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности / Ред. и сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
- Зеленина.** 2019 — Зеленина Г.С. Горка и Овражки: Нахождение нации в местах вневходимости // Ab Imperio. 2019. № 3. С. 207–251.
- Зеленина.** 2021 — Зеленина Г.С. «Моменты глумливого цинизма»: обретение достоинства через унижение унижающих // Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2021. С. 264–294.

- Стайтс.** 2004 — Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: РОС-СПЭН, 2004.
- Чернова.** 2002 — Чернова Ж. Романтик нашего времени // О муже(N)ственности / Ред. и сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 452–476.
- Чуйкина.** 1996 — Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986) // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996. С. 61–81.
- Юрчак.** 2014 — Юрчак А. Это было навсегда, пока не закончилось. Последнее советское поколение. Москва, 2014.
- Beizer.** 2012 — Beizer M. How the movement was funded // The Jewish Movement in the Soviet Union / Ed. by Y. Ro'i. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012. P. 359–391.
- Boyarin.** 1997 — Boyarin D. Unheroic Conduct: The Rise of Heterosexuality and the Invention of the Jewish Man. University of California Press, 1997.
- Dumancic.** 2021 — Dumancic M. Men Out of Focus: The Soviet Masculinity Crisis in the Long Sixties. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 2021.
- Friedgut.** 2012 — Friedgut Th. The Zionist Family // The Jewish Movement in the Soviet Union / Ed. by Y. Ro'i. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012. P. 250–270.
- Fuerst.** 2010 — Fuerst J. Stalin's Last Generation. Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Komaromi.** 2012 — Komaromi A. Jewish Samizdat: Dissident texts and the dynamics of the Jewish revival in the Soviet Union // The Jewish Movement in the Soviet Union / Ed. by Y. Ro'i. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012. P. 273–303.
- Mosse.** 1985 — Mosse G. Nationalism and sexuality: Middle-class morality and sexual norms in modern Europe. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985.